

WASTELAND: КУЛЬТЫ И ПРЕСТУПНИКИ

Все плохое

Copyright 2014 inXile entertainment Inc., Wasteland, товарные знаки Wasteland, inXile entertainment и товарные знаки inXile entertainment – официально зарегистрированные торговые марки inXile entertainment Inc. В США и/или других странах. Copyright 2002–2014, inXile entertainment, Inc. Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без разрешения. Сканирование, загрузка и распространение этой книги без разрешения издателя незаконны и будут преследоваться по закону.

Благодарим вас за поддержку авторских прав. Дополнительную информацию об издателе inXile entertainment Inc вы можете получить, обратившись по электронной почте support@inxile.net.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места действия и события являются вымышленными. Все совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми, местами или событиями абсолютно случайны.

Размещение перевода произведения на русский язык разрешено только на сайте Riot Pixels, <http://riotpixels.com>

Для получения более полной информации см. <http://wasteland.inxile-entertainment.com/store>

ISBN 978–1–941210–01–7

– 1 –

Величие приходит из самых скромных начинаний. Один человек может сотрясти Землю так, что она рухнет.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 1, серия 12

На Центральном рынке беспорядков не бывало. За этим следили снайперы.

Рынок был здесь уже давно – по крайней мере, столько, сколько Самсон себя помнил. Некогда пятиэтажное здание на Южной улице серьезно пострадало от бомб, с него сорвало крышу, и все этажи, кроме первого, были разрушены. Стены все еще чудом держались – несколько футов хрупкого крошащегося бетона и стальных труб, вдоль которых по двое патрулировали снайперы, высматривая внизу признаки беспорядка. Крышу заменяли колыхающиеся и хлопающие на ветру полотнища грубо сшитого синего брезента. Они неплохо защищали от солнца и в какой-то степени от дождей.

Люку Самсону было всего пять или шесть лет, когда он впервые сюда попал. Тогда он еще входил в банду «Подонки в коже» и выживал как мог. В хорошие дни они работали по мелочи – обчищали карманы и выбивали зубы. В плохие... что ж, некоторые дети делали такое, о чем лучше не думать. Когда Самсон присоединился к банде, он уже был выше многих ребят вдвое его старше, и никто не мог заставить его делать то, что он не хотел. Но он прекрасно видел, что происходило вокруг, и даже сейчас от этих воспоминаний у него в жилах закипала кровь.

Теперь он больше не был ребенком. Рост под два метра, крепкие мышцы, огненно-рыжая шевелюра и спутанная клочковатая борода до самых глаз, которые даже в лучшие времена называли безумными.

Он подошел к началу очереди, спокойно и терпеливо. На Центральном рынке нужно было себя вести именно так, если ты не хотел словить пулю в голову. Самсон возвышался над Берни, жилистым мужчиной с зализанными жирными черными волосами. Морщины на его темной коже казались бездонными. Берни ставил отметку графитовым диском на пергаменте из собачьей кожи, подсчитывая людей, проходящих в ворота.

– Имя? – спросил Берни голосом скрипучим, как дверные петли.

– Ты меня знаешь, старик, – ответил Самсон.

– Да, ты нас знаешь, – встрял Сайрус.

Его рябое лицо в обрамлении непокорных каштановых волос выглянуло из-за плеча Самсона. На секунду Самсон забыл, что он был не один. Сайрус шумный, когда того хотел, и тихий, когда было нужно. О нем можно было легко забыть – ровно до момента, когда в твою шею вонзался нож.

– Да, я вас знаю, – согласился Берни. – Но знаете ли вы себя сами?

Он захихикал над шуткой, понятной только ему. Смех перешел в кашель, и Берни отхаркнул на разбитый тротуар ком густой слизи.

– И что это значит? – поинтересовался Сайрус, а Самсон застыл на месте. Знает ли он себя? В последнее время он часто думал об этом. Он не знал, что делал, не знал зачем. А может, нужно было спросить себя, кто он такой? Он нахмурился, вслушиваясь в клацанье взводимых затворов: снайперы занимали позиции. Он моргнул, пытаясь вспомнить, где находится.

– Ничего это не значит, Самсон, не бери в голову! – Берни весь дрожал и смотрел на него широкими от страха глазами, его лицо блестело от пота.

Самсон моргнул.

– Что случилось? – спросил он. Как минимум трое снайперов целились в него со стен.

– У тебя опять лицо убийцы, Сэмми, – прошептал Сайрус. – Ты остыл? Скажи, что тебя отпустило.

– Да, остыл. – Лицо убийцы? Так бывает, когда Самсон злится. – Я просто задумался и все.

– Мы уже говорили об этом, – ответил Сайрус. – За нас обоих думаю я. И ты об этом знаешь.

– Да, – произнес Самсон, медленно приходя в себя. – Вот, – он нашарил в кармане пару обломков – кусков старого карбюратора, найденного в мусоре в Монтери-парке – и протянул их Берни. – Достаточно за вход?

Берни внимательно их разглядел.

– Лучше бы вы гильзы принесли, но сойдет, – он поднял взгляд на снайперов. – Все в порядке, парни, все хорошо.

Снайперы вернулись на посты, но Самсон все еще ощущал на себе их взгляды.

– Оружие в ящик, – буркнул Берни.

Самсон положил кувалду и дробовик в пластиковый короб и взял свой «номерок» – игрушку из зеленой резины, настолько пожеванную, что уже совершенно непонятно, кого она некогда изображала. Сайрус сдал ножи и пистолет и забрал пару игральных кубиков, просверленных и связанных веревочкой.

– Потеряете номерки – свое барахло обратно не получите.

– Мы помним, – ответил Самсон.

Он знал, что Берни был обязан предупреждать об этом. Однажды он этого не сделал, и по поводу потерянного номерка вспыхнул спор. Снайперы пристрелили недовольного, но тот успел швырнуть гранату, убившую восемь человек.

– Да, и держи своего слона на поводке, – добавил Берни. Только через несколько секунд до Самсона дошло, что тот обращался к Сайрусу.

– Да, да. Все будет в порядке, – Сайрус провел Самсона мимо Берни вглубь Рынка.

– Слон? Это что за хрень?

– Ну, знаешь, такой, с длинным носом, – ответил Сайрус. – Я его тебе в книге показывал, помнишь?

– А, да. Точно. У меня действительно было лицо убийцы?

– Да, парень, у тебя действительно было лицо убийцы, твое фирменное. Пошевеливайся, мне нужно продать кое-что.

Зрение и слух каждого, кто попадал на Рынок, подвергались серьезному испытанию. Каждый прилавок был увешан гирляндами разноцветных лампочек. Мексиканская музыка, завывающая в крошечных динамиках, соперничала с рокотом невидимых барабанов, доносившимся откуда-то сзади. Но больше всего Самсона донимали запахи. Снаружи воняло смесью горящего мусора, болотной воды, гниющих овощей и случайных трупов, но здесь, внутри, пахло раскаленным металлом, готовящимся мясом и пряностями, доставленными из Гилроя. На мгновение Самсон замер, закрыл глаза и привыкал этим дышать.

Потом они с Сайрусом пошли к Тесс Две Тонны, огромной азиатке. Ее челюсти щелкали при разговоре, а наросты на коже лба походили на морские раковины. Сайрус высыпал из мешка корректирующие очки, которые они на прошлой неделе вытащили из заваленной аптеки. Самсон гордился этой находкой. Очки очень неплохо сохранились.

– И что это за фигня? – спросила Тесс плаксиво. Из рта у нее пахло дохлыми крысами.

– Никогда очков не видела? Их носят на глазах, чтобы лучше видеть, – ответил Сайрус.

– Что хочешь за них? – она посмотрела сквозь одну из линз и фыркнула. – Есть самогон. Русские парни принесли сегодня, говорят, точь-в-точь их водка.

– Чушь собачья. Откуда им знать? Настоящей водки не делают уже лет тридцать, – сказал Сайрус. – Десять кило селитры, три – гремучей ртути.

– За это? – Тесс рассмеялась, и все ее подбородки затряслись. – Кому здесь захочется лучше видеть, хиляк? Что им рассматривать, свои язвы? Этот гребаный позолоченный рай, который мы называем домом? Кило селитры и грамм гремучки.

– Девять и кило.

Самсон несколько минут следил за торгом, потом ему надоело, и он решил пройтись. Он остановился у мясной лавки Педро, и рот его наполнился слюной от запаха жаренных на гриле собаки и крысы. За кусочек металлического лома он взял себе шашлык из опоссума и вернулся назад, как раз когда Сайрус закончил переговоры.

– Три кило селитры и пять грамм гремучки, – сказала Тесс. – Последнее предложение.

– По рукам, – кивнул Сайрус.

– Заберешь снаружи, сзади, – предупредила Тесс. – И осторожней. Гремучая ртуть в воде, но все равно может рвануть.

– Ничего, – сказал Сайрус. – У нас все носит Сэмми.

* * *

– Сейчас рванет! – крикнул Сайрус, поднеся горящую палочку к запалу, и Самсон заткнул уши пальцами. Запал прогорел быстрее, чем они ожидали, сам звук взрыва был скорее похож на удар металла о металл.

Тоннель заполнился облаком пыли – измельченной штукатурки, гипса, кирпичей – дрянью, которой невозможно было дышать. Самсона это не беспокоило, Сайрус же сразу засипел и зашелся кашлем, как туберкулезник.

Этот тоннель они обнаружили, когда обследовали жилой дом, рухнувший в воду, затопившую Лос-Анджелес во время апокалипсиса. Атомные бомбы падали в океан рядом с Лонг Бич, взрывы гнали воду вверх по реке Лос-Анджелес, и в результате там, где раньше были только бетон и заросли юкки, образовались радиоактивные озера и болота.

Но из Голливуда болото отступило десятки лет назад, так что здания были давно разграблены, из них вынесли все, имеющее хоть какую-то ценность: провода, трубы, дверные ручки. Осталось то, что было слишком громоздким, чтобы это тащить, или слишком ржавым, чтобы резать, например большие кондиционеры, которые давным-давно провалились сквозь потолки. Работавшие по-крупному мародеры не хотели тратить силы, добывая то, что все равно едва-едва окупилось бы.

Самсон и Сайрус не работали по-крупному. Они были достаточно голодны и потому готовы даже сдирать гипсокартон со стен здания, чтобы добраться до деревянных рам. Хотя за древесину из зданий платили не больше нескольких фунтов лома за тонну. Именно Самсон разобрал стену в дальнем офисе и нашел лестницу, ведущую в заваленный подземный гараж. А там они обнаружили тоннель, упирившийся в проржавевшие стальные двери, которые не шелохнулись даже под ударами кувалды Самсона.

Сайрус протер глаза и поморщился.

– Надо было раздобыть на Рынке защитные очки, – просипел он, кашляя в клубах пыли.

– Ты всегда так говоришь, когда мы что-нибудь взрываем, – ответил Самсон.

– Угу. Эти штуки чертовски дороги.

По мнению Самсона, пыль уже достаточно улеглась, и он, прихватив фонарь, направился в тоннель, не обращая внимания на крики Сайруса. Как они и рассчитывали, взрыв сорвал с петель одну из стальных дверей, и она, накренившись, повисла. Самсон взялся за створку – мышцы на его огромных руках напряглись – и оторвал ее под визг сопротивляющегося металла.

Он поднял фонарь, чтобы осмотреться, – и охнул.

– Что? – спросил Сайрус, подбегая к нему. – Что там?

– Нетронутое место, – благоговейным шепотом ответил Самсон.

– 2 –

И вот Господь Всемогущий приказал им, и они сломали печать, и выпустили в мир Его ужасающее Возмездие.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 8, эпизод 7

– Видимо, это место опечатали, когда здание рухнуло, – сказал Сайрус, разглядывая потолок с прогнившей звукоизоляцией и торчащими трубами. Проведя пальцем по толстому слою пыли на столе, он продолжил: – Насколько я помню, там дальше только грязь и развалины.

– Никогда не видел мест, которые не были бы ограблены... Что здесь написано? – спросил Самсон, рассматривая на стене вывеску, сделанную из стеклянных трубок. Он знал, что это были буквы, но читать не умел.

– РЦТ, – произнес Сайрус. – Эрцэтэ? Что это за хрень?

Самсон пожал плечами и заметил, как что-то блеснуло в свете фонаря.

– Кажется, тут что-то есть. – Он прошел в дальний угол комнаты и отодвинул стол, чтобы лучше разглядеть находку. – Кости.

На них не осталось мяса, и они уже не воняли мертвечиной. Одежда давно сгнила, остались только пряжки и пластмассовые части. Самсон пнул кости ногой и увидел в руке трупа изъеденный ржавчиной пистолет. Сайрус наклонился и поднял блестящую пряжку и горсть металлических пуговиц. Осмотрел пистолет и отбросил его в сторону.

– Приятель, если тут таких много, мы разбогатеем. Тут есть настоящие сокровища!

Но Самсон уже ушел дальше. Он увидел на стене ящик из серого металла, с большой красной ручкой. Такие встречались ему прежде, но он никогда не интересовался, для чего они нужны. Зачем – ведь сколько он ни дергал за ручки, ничего не происходило. Поэтому он очень удивился, когда эта ручка внезапно зажгла свет.

– Мать твою через колено! – воскликнул Сайрус. – Тут есть напряжение.

Самсон, прищурившись, разглядывал лампы на потолке. Большинство не горело, но те, которые светились, гудели, как рой разъяренных ос. От ящика к потолку тянулась металлическая труба.

– Это не генератор. Горючее в генераторе выдохлось бы давным-давно. Солнечная энергия?

– Должно быть, – ответил Сайрус. – Уж точно не ядерная. Давай посмотрим, что тут еще есть.

– Чудо, что оно все еще работает. – Все это место казалось Самсону странным. Не плохим, не неправильным, но что-то здесь было не так. Оно... было особенным. Ему было трудно думать о нем так, как думал Сайрус – как о месте, где можно найти ценную добычу. Здесь можно было найти не только вещи, он был просто уверен в этом. – Я хочу знать, что здесь было раньше.

* * *

А раньше, оказывается, здесь был телецентр канала «Рыцари Церкви Торжествующей».

Самсон слышал о телепередачах, хотя работающего телевизора никогда не видел. Они нашли несколько кабинетов и настоящую студию с тремя камерами, большим столом и пыльной картой мира, на которой расплылось огромное красное пятно. Самсону уже доводилось видеть такие карты – изображения далеких мест, в существование которых он не верил.

– Еще труп, – сказал он, наклоняясь к заплесневелым костям. Череп разнесен в клочья, и пятно на висящей позади карте дало понять, что тут произошло.

– Его застрелили, – заметил Сайрус.

– Плохая смерть.

– А бывает хорошая?

Самсон подумал и пожал плечами.

– Я не заметил тут других входов и выходов. Только тоннель, – задумчиво произнес Сайрус. – Ты что-нибудь видел?

– Нет. Думаешь, это бункер? Убежище?

– Скорее всего. Те стальные двери когда-то были очень толстыми. Это объясняет, откуда здесь энергия. – Сайрус приложил руку к вентиляционной решетке, расположенной низко над полом. – И воздух тоже. Тут можно было надежно замуроваться.

– Так чего же они не вышли? Может, у них еда кончилась?

– Не знаю, – Сайрус пожал плечами. – Но если тут есть электричество, может быть, что-то из этого старья еще работает. Давай все осмотрим. Может, мы сможем что-нибудь вытащить и продать на Рынке.

– Нет, – коротко бросил Самсон.

– В смысле – «нет»?

– Я не хочу, чтобы об этом месте узнали. Если мы начнем продавать штуковины, которых никто не видел полвека, люди начнут задумываться о том, где мы их взяли. Я не хочу, чтобы они знали. Не сейчас.

– Но...

Самсон сердито нахмурился и наклонился к Сайрусу:

– Я сказал, *нет*.

– Ладно, ладно, – под его взглядом Сайрус опустил голову. – Мы никому не скажем. Но вечно так продолжаться не может.

– Потом. Когда я буду готов, – ответил Самсон. Он чувствовал, что где-то здесь есть тайны, стоило только протянуть руку. И ответы здесь были тоже.

Три дня спустя он их нашел.

* * *

«И было сильное землетрясение, и луна покраснела, словно кровь, а солнце стало черным, как власяница...»

Самсон нажал на видеоманитофоне «стоп», и блондин с безумным взглядом застыл на экране, раскинув руки.

– Что такое власяница?

– Не знаю. Что-то волосатое, – ответил Сайрус. – Включай дальше, я хочу послушать, что он еще скажет.

Они еще в первый день нашли комнату со старыми потертыми видеокассетами, ярлыки на которых сильно выцвели. Сначала приятели не поняли, что это такое и как с этим обращаться, но потом Сайрус заметил на стене ламинированный плакат с инструкциями. Самсон их даже прочитать не смог, но Сайрус смог быстро во всем разобраться, засунул в один из магнитофонов кассету, и они зачарованно просмотрели запись, в которой Его Преосвященство Джеймс Кинг проповедовал что-то о конце света и грехах коммунистов. Старые изношенные колонки хрипели, но работали. Его Преосвященство сидел в студии за столом перед огромной настенной картой, и они решили, что он-то и был тем трупом с простреленной головой.

Потом они смотрели еще кассеты, но на всех было примерно одно и то же, разве что менялся враг, против которого выступал Кинг. Коммунисты, вашингтонская элита, радикалы, Движение за равноправие женщин, рейганомика, Джимми Картер, «Улица Сезам»... Самсон никогда раньше о них не слышал, но Джеймс Кинг утверждал, что из-за них и погибла цивилизация.

«Друзья, – продолжал на экране Джеймс Кинг, раскачиваясь в кресле. Волосы его при этом лежали совершенно неподвижно, словно шлем, – сегодня мы поговорим об истинном конце света. Не о том, о чем говорится в Благословенной книге, а о настоящем, полном и бесповоротном конце света».

Эта запись не была похожа на остальные. Обычно к этому моменту Кинг начинал отвечать на звонки, в которых его спрашивали о взятии живых на небеса. Или выходила его помощница Минди с такими же светлыми сияющими волосами, как у самого Кинга, и рассказывала, что движение за равноправие женщин противоречит «тому, для чего Господь предназначил слабый пол».

«Друзья, близится час расплаты. В последние дни уходящего века нас ждет бедствие, равного которому еще не видели. Брат обратится на брата, народ на народ. Бомбы обрушатся на мир и повергнут его в прах, как некогда был повержен Содом, в который превратился сейчас мир».

– Эй! – воскликнул Самсон. – Как думаешь, он...

– Тише, дай послушать.

«В темные дни 1998 года, – продолжил на экране Кинг, сопровождая перечисление ударами кулака по ладони, – взлетят ракеты, упадут бомбы, и все, что нам привычно, каждый темный вонючий грешник, каждая шлюха и каждый распутник, каждый содомит, каждый демон, каждый извращенный и мерзкий кошмар будут сметены с лица Земли бурей огня и радиации, которая пройдет по всему миру!»

– Твою мать! – Сайрус схватил футляр от кассеты и протер его от пыли. – Это запись 1996 года.

– Он призвал его, – потрясенно выдохнул Самсон. – Он призвал Апокалипсис.

Все знали, когда упали бомбы и взлетели ракеты. Даже сейчас, семьдесят пять лет спустя, хотя не было ни школ, ни уроков, ни учителей, все знали, что именно в 1998 году небо потемнело от дыма и пепла миллионов пожаров.

«И так должно быть, – вещал в это время Кинг. – Так суждено. Этот мир болен скверной, и исцелить его могут лишь огонь и кровь. Вы знаете, что я не допущу, чтобы вас тоже поглотила чума огня и пепла. Некоторых из вас призовут на небеса живыми. Бог вернет вас домой до того, как пламя сожжет все дотла. Но некоторые... некоторые останутся здесь, чтобы трудиться во славу Божью. Это не наказание, это – честь. Он призовет вас обрушить огонь и кару на тех, кто откажется от Спасения. И я, ваш Пастырь, укажу вам путь, – Кинг наклонился, раскинув руки. – Нам нужно готовиться. Нужны убежища, еда, оружие, которым вы будете вершить дело Божье, а вы понимаете, что все это стоит денег – и немалых. Поэтому я прошу вас прямо сейчас набрать номер, который вы видите на экране. Близится конец света, дети мои. Только ваши доллары могут спасти тех, кто останется здесь».

Самсон и Сайрус потрясенно смотрели на экран, на котором мелькали цифры, а комментатор вещал о кредитных картах и бесплатных звонках. Самсону нередко доводилось слышать, как всякие придурки утверждали, что Апокалипсис – дело рук Божьих, но он никогда не воспринимал их всерьез. Откуда им было знать то, чего не знали другие? С чего Богу было делиться с ними своими планами? В конце концов, они были в той же лодке, что и весь мир.

Но тут все было иначе. Этот человек предсказывал конец света за несколько лет до того, как он произошел.

– Поставь еще что-нибудь, – тихо произнес Самсон. – Я хочу узнать больше.

– 3 –

Бог может указать вам Истинный Путь, но этого недостаточно.
Вы сами должны пройти по нему.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 2, эпизод 18

Просмотр кассет занял у них неделю. Чем дальше, тем больше подробностей мелькало в выступлениях Кинга. Первым падет Вашингтон, затем Москва, Нью-Йорк, Париж, Санкт-Петербург, Лондон, Лос-Анджелес, Майами, Детройт. Города будут рушиться как карточные домики, по улицам потекут реки крови. Восстания и грабежи разрушат всемирную экономику. Восторжествуют праведные – те, кто подчиняется замыслу Божьему.

«Будут и те, кто возьмет в руки оружие и станет воинством Божиим, – говорил Кинг. – Они будут Истинно Избранными и вернут мир обратно в свет праведности. Такие люди, как вы. Неверующие будут насмехаться над вами, сомневаться в вашей решимости, но свет Божий укажет вам путь. Упадут бомбы, и трупы усеют землю, но вы останетесь целы, если будете следовать плану Божьему».

– Я слышал, что так все и было, – прокомментировал Сайрус.

– От кого? От придурка Билли с Першинг-Сквер? – Самсон и сам понимал, что это похоже на правду, но все же продолжал сомневаться. И он не знал, что это – сомнения человека, которому известны другие факты, или сомнение пресловутого неверующего.

«Конец неотвратим, грешники. Может быть, он наступит уже завтра. Может быть, завтра утром вы проснетесь в мире, преображенном огнем и радиацией».

– Ты издеваешься? – раздраженно бросил Сайрус, непонятно к кому обращаясь – то ли к приятелю, то ли к проповеднику в телевизоре.

– Нет, – ответил Самсон, – я просто ни в чем не уверен. Вот смотри, он говорит, что шлюхи сгорят. Мы с тобой бывали у шлюх, в одну ты даже как-то втрескался. В Голливуде их полно. А наркоманы, которых он часто поминает? Мы с тобой пробовали лошадиные катышки, все это делают.

«Достойны ли вы замысла Божьего? – голос Кинга дрожал от плохо сдерживаемых эмоций. – Покаетесь ли вы, примиритесь ли с Богом, если завтра упадут бомбы?»

– Ты хочешь сказать, что мы недостойны? – спросил Сайрус.

– Не знаю, – ответил Самсон, наблюдая, как Кинг стучал кулаком по столу, обличая гомосексуалистов.

– Может быть, мы избранны Богом, – продолжил Сайрус. – Может быть, наша задача – вернуть слово Кинга в мир. Поэтому мы все это и нашли. Наша задача – распространять слово Божье. Помнишь, как зажегся свет?

– Да, – фыркнул Самсон. – Ты испугался.

– Твою мать, я не испугался! Удивился, разве что. Но помнишь, что ты сказал? Ты сказал, что это чудо. Я думаю, ты попал в точку. Все это место – чудо. Промысел Божий. Вот почему мы здесь. Вот почему мы нашли это место.

Самсон пытался вспомнить, говорил ли он, что это чудо, – и не смог.

– И что? Как из этого следует, что мы Избранные? Может быть, мы должны передать это место Избранным, и пусть они несут Слово в мир.

– Я знаю, что ты сомневаешься, Сэмми. Но я верю, что это правда. Я думаю, что поэтому мы и здесь.

Кинг исчез с экрана. Пошли титры.

– Ставь следующую кассету, – попросил Самсон. Он не хотел продолжать этот разговор. В одном Сайрус точно был прав: Самсон сомневался. Он всю жизнь сомневался и всю жизнь искал ответы. А теперь, когда он получил готовый ответ, он никак не мог поверить.

– Больше кассет не осталось. Это была последняя.

– Быть не может. Сколько мы посмотрели? – Самсон мысленно подсчитывал просмотренные эпизоды, он запомнил их все. И пришел к ответу раньше, чем Сайрус произнес его вслух.

– Пара сотен кассет, по две-три передачи на каждой. Это последняя. Слышал, что он говорил о бомбах? Что они упадут завтра? Я думаю, он был прав. Я думаю, на следующий день упали бомбы, поэтому больше кассет нет.

– Ты серьезно? – удивленно переспросил Самсон.

– Да. И я действительно думаю, что мы Избранные. Что скажешь, Самсон? Тебе не кажется, что ты тоже Избранный?

Самсон ничего не ответил, но в глубине души он был уверен, что правильный ответ был – «нет».

* * *

– Самсон, – он услышал голос и почувствовал, как чьи-то руки трясли его, пытаясь разбудить. – Самсон, нам надо поговорить.

Сначала ему показалось, что это Сайрус, но потом, стряхнув с себя сонный туман, он узнал этот голос. В нем не было привычной хрипотцы старых динамиков, но узнать его было несложно.

– Преподобный Кинг? – Самсон провел рукой по лицу, стряхивая сон, и сел, выпутываясь из одеял, расстеленных на полу студии.

– Просто Джим, – сказал Кинг, сидящий со скрещенными ногами прямо на полу. Он был одет в синий костюм, а его белозубая улыбка практически светилась в темноте. – Мы же друзья.

– Ты настоящий? Или это сон?

– Никаких снов, – ответил Кинг. Он встал, протянул Самсону руку и помог ему подняться.

– Ты ниже, чем я думал.

– Рост мало значит в глазах Господа, – рассмеялся Кинг. – Он судит всех одинаково.

– Сезон 3, эпизод 27, – тут же отозвался Самсон. – Ты рассказывал про баскетболиста.

– Точно. У тебя хорошая память.

– Я запоминаю то, что важно. А вот с чтением и письмом у меня не очень. Никак не пойму, как это делается.

– Ничего страшного, Самсон. Твой приятель Сайрус может читать и писать за вас обоих. Ты знаешь, почему я здесь?

Самсон отрицательно покачал головой. Он все никак не мог осознать, что перед ним – живой Кинг. Это не было похоже на сон, но во снах такое часто бывает.

– Я здесь потому, что у тебя есть сомнения.

– О нет, сэр, я...

Кинг жестом остановил его.

– Я знаю, что ты не сомневаешься во мне. Ты знаешь, что то, о чем я говорю, – истина. Я знаю. В глубине души, сын мой, ты знаешь, что мое слово есть Слово Господа Всемогущего. Ты не неверующий, как эти содомиты и извращенцы из Голливуда. Но я знаю, что ты сомневаешься в себе.

Самсон опустил взгляд – он был не в силах встретиться взглядом с Кингом. Стыд обжигал его, как горящие угли. Кинг взял его за подбородок, и Самсон поднял голову. Внезапно Кинг оказался выше ростом, он возвышался над Самсоном, упираясь головой в потолок, и сиял божественным светом.

– Не сомневайся в себе, Самсон. Я знаю, что ты грешил и считаешь, что не заслуживаешь прощения, – голос Кинга эхом загремел в комнате. – Но ты можешь смыть эти грехи, следуя Слову Бога Всемогущего и выполняя его замысел на земле. Ибо ты – один из Избранных. Вы с Сайрусом понесете мое Слово во все концы света, вы вернете Верных в паству и уничтожите неверующих. Грешники падут под вашим молотом, которым вы сокрушите их во славу Господа.

Самсон заплакал, из его глаз потекли слезы, оставляя дорожки на пыльных щеках. Все его сомнения исчезли в сиянии, исходящем от фигуры Кинга.

– Ты будешь моим воином, – продолжил проповедник. – Моим голосом.

Тело Самсона сотрясли рыдания. Он никогда не чувствовал себя таким полноценным, таким правильным. Наконец-то у него появилась цель. Он упал на колени, воздев руки в молитве, а слова Кинга огненными буквами впечатывались в его сердце.

– Ты понесешь мое Слово в мир, – сказал преподобный отец. И объяснил Самсону, что тот должен делать.

* * *

– Вставай.

Сайрус перевернулся и посмотрел на стоящего над ним Самсона. В том что-то неуловимо изменилось, но что именно – было непонятно. Он словно светился.

– Ты чего завелся? Пожар? В тоннеле грабители? Болото поднимается?

– Нет, – ответил Самсон, и тут Сайрус понял, что изменилось. Его приятель улыбался. За все годы, что они знакомы, Сайрус видел Самсона улыбающимся, может, с десятков раз. И это всегда плохо кончалось.

– Я думал, ты решил завязать с наркотой, Сэмми. Помнишь, что было, когда ты в прошлый раз перебрал соли? Нас потом три недели не пускали в Голливуд из-за того, что ты там устроил со шлюхами.

– Все еще лучше. Я видел преподобного Кинга.

– Что? Ты нашел еще кассеты?

– Нет. Я видел его здесь, в студии. Он пришел ко мне ночью и объяснил свои планы. Ты был прав, Сайрус. Мы Избранные. Он хочет, чтобы мы несли его Слово в мир, создали великую армию Божью и очистили Землю от неверующих.

Сайрус поднял взгляд на Самсона и изо всех сил попытался проснуться. Он надеялся, что Самсон поведет себя на весь этот бред об Избранных, но не предполагал, что тот так серьезно к этому отнесется.

Мысль о том, чтобы основать собственный культ, опираясь на учения Джеймса Кинга, пришла Сайрусу в голову примерно неделю назад. В Лос-Анджелесе уже существовали десятки культов, хотя правильнее было бы назвать их просто «бандами». Сайрус прикинул, что если основать собственный, можно было бы нанять людей и отправлять их грабить и мародерствовать. И черт, если удастся сманить еще и нескольких голливудских шлюх, у Сайруса будет столько баб, сколько ему захочется.

Все это время он пытался незаметно внушить Самсону, что тот и сам задумывался о подобном, ронял намеки, напоминал о том, что они «чудом» нашли это место. Все должно было выглядеть так, словно это идея Самсона – им всегда было проще управлять, если тот считал, что он тут главный.

Только вот незаметные намеки не всегда до Самсона доходили. Он не был глупым, просто не привык много думать. Его планы обычно не шли дальше размышлений «что мы будем жрать в следующий раз». Сайрус уже был готов отказаться от своей тактики и прямым текстом объяснить Самсону свой план. К черту попытки убедить его, что он сам это придумал.

Но намеки внезапно принесли свои плоды.

– Отлично, – с улыбкой ответил Сайрус. – Конечно, мы с этим справимся. Что мы будем делать?

Самсон начал объяснять, и до Сайруса постепенно стало доходить, что все может быть куда круче, чем он мог себе представить.

Самсон провел в бункере три недели. К грязному белому комбинезону он приклеил крест из серебряного скотча. Они три дня обсуждали план, прежде чем Самсон решил, что он готов. Но на самом деле все очень просто. Выйти в мир и нести Слово. Он заучил неплохую проповедь и жаждет опробовать ее на людях. А вот что им делать дальше, было пока не совсем ясно.

Самсон пытался решить, что произойдет, если Слово не примут. Он знал, что хотел Джеймс Кинг, и знал, что он был способен на это, но все же колебался. Есть в этом что-то, от чего каменело сердце. Он предпочел бы, чтобы Сайрус отправился с ним, но коротышка сказал, что не настроен на долгий поход. И, кроме того, на нем лежала непростая задача – писать проповеди, которые потом будет учить Самсон. Самсон же считал, что Сайрус просто ленивый придурок, но спорить не стал.

Они решили, что для начала не стоит связываться с бандами. Психам из Эхо-парка вряд ли понравятся проповеди. Кроме того, три года назад Самсон убил девятерых их лучших бойцов, которые попытались на него напасть, и хотя потом они заключили хрупкое перемирие, он не хотел тревожить осиное гнездо. Не сейчас. Он до сих пор ощущал осколок пули под кожей головы, оставшийся там после прошлого раза.

Поэтому Самсон решил отправиться в один из лагерей на холмах у Силвер-Лейк. Обычно они ходили туда торговать. Это было небольшое поселение на двадцать человек. Они могли прислушаться к нему, могли не прислушаться, но если им что-то не понравится, он вряд ли получит пулю в голову.

Он пошел на запад, пробираясь через развалины на бульваре Сансет, потом повернул на север к бассейну озера Силвер-Лейк. Собственно озера там не было. Сколько Самсон себя помнил, грязная вода болот, поглотивших почти весь Лос-Анджелес, не поднималась до холмов, – но название сохранилось. В особенно сильные дожди бассейн заполнялся радиоактивной водой, и к нему никто не приближался. Запахи отравы и гнили были слишком сильны даже для мастеров выживания.

У подножия холма Самсон перекрестился – этот жест он подсмотрел у Кинга на кассетах, – провел кончиками пальцев по патронташу. Потом он проверил винтовку на плече, кувалду за спиной и охотничий нож, пристегнутый к руке. Убедившись, что все в порядке, он поднялся на холм.

В лагере было тихо. Мужчины и женщины в обносках, очевидно страдающие от недоедания и каких-то неведомых болезней. Самсон вышел из взорванного дома в конце Ангус-стрит, и те из обитателей, у кого еще были силы бояться, замерли на месте.

Самсон откашлялся и произнес:

– И Господь сказал: «Не введи во искушение агнцев, которых ты возьмешь под защиту, ибо я есмь пастырь и...»

– Ты вообще кто такой? – спросила какая-то женщина, показавшаяся из-за пластмассового шалаша. В руках у нее была винтовка, которую она держала так, что сразу стало понятно – пользоваться ею она умела.

– Я несу вам евангелие Джеймса Кинга, – ответил Самсон, – чтобы показать путь праведников...

Прилетевший камень попал ему прямо в лоб.

– Мы здесь таких не любим, – выпалил невымытый паренек, подбирая с земли следующий камень.

– Заткнись, Малкольм, – приказала женщина. – Но он прав. Нам здесь такие не нужны. Никаких дерьмовых проповедников. И так из ушей лезет.

– Мэм, я вовсе не такой, – начал объяснять Самсон. – Я несу слово Пророка Божьего, преподобного Джеймса Кинга. Он предвидел наши проблемы, предвидел падение бомб, предвидел трудности, с которыми мы столкнемся, когда придет судный день.

– Да? Тогда почему он ничего не сделал?

Самсон был готов к этому вопросу – ответ был дан в сезоне 4, эпизод 19.

– Потому что таков был замысел Божий. Бог хотел выковать из нас более сильных людей, а это можно сделать только через трудности и терпение. У вас ведь бывают налетчики? Которые хотят украсть еду?

– Конечно. И мы сражаемся с ними. И с тобой будем сражаться, если ты пришел за тем же.

– Нет, мэм, – ответил Самсон. – Я здесь, чтобы нести Слово Бога милосердного, и если кто-нибудь из вас захочет – найти людей для нашей новой Церкви.

– Церкви? – женщина рассмеялась. – Ты хочешь, чтобы мы присоединились к твоей Церкви? И твое место, конечно, будет на самом верху, ты будешь есть лучше всех и тискать женщин за все твои труды. Так?

– Мы отвергли удовольствия плоти, дабы пребывать чистыми в глазах Господа, – это сезон 14, эпизод 9.

Женщина прищурившись пристально посмотрела на него:

– Нет. Я думаю, нас это не интересует. Валите отсюда, мистер.

– Но...

– Я сказала, валите отсюда.

Самсон застыл в нерешительности и бормотал полубессмысленные объяснения. Он не знал, что делать дальше.

– Она тебя не слушает, – сказал Джеймс Кинг, появляясь рядом с ним. Самсон повернулся и увидел его сияющую улыбку, флажок на лацкане пиджака, неподвижные светлые волосы. – Она нас не слушает.

– Она нас не знает. Если она услышит проповедь...

– Что за черт, с кем ты разговариваешь? – спросила женщина. – Ты ненормальный, что ли? У меня и так полно проблем, только безумца мне в лагере не хватало.

– Да послушайте же вы! – в Самсоне вскипел гнев, его окутал кровавый туман. Ярость выплеснулась из трещин в его душе, и он не был способен ее сдержать. Он знал, что будет дальше, видел это ясно как день.

– Все правильно, Самсон, – сказал Кинг. – Ты знаешь, что делать.

Самсон покачал головой:

– Но, сэр...

– Я задала тебе вопрос. С кем ты разговариваешь? – повторила женщина.

И Самсон не выдержал. Гнев охватил его, как пламя.

– Вы оскорбляете преподобного Кинга. Вы оскорбляете Господа.

– Даруй им Спасение, – сказал Кинг. – Покажи им Свет.

Самсон ничего не ответил, он был объят яростью. Отработанным движением он выхватил нож и метнул его, вложив в это все силы. Лезвие вонзилось в горло женщины, из раны брызнула кровь. Она успела выстрелить, но Самсон уже двигался, и выстрел прошел слишком высоко, не задев его.

Кувалда была уже у него в руках. Он замахнулся на паренька, который бросал камни, и одним ударом разбил ему грудь, а вторым – череп. До Самсона доносились крики и выстрелы, но словно издалека. Он был только сосудом, орудием воли Господа, он выполнял Его замысел. Его кувалда вздымалась снова и снова, сокрушая все на пути.

Джеймс Кинг всегда стоял у него за плечом.

– Убей их, Самсон. Убей их всех. Убей их во имя Господа.

И Самсон убивал.

* * *

Сайрус укрепил двери бункера сваренными металлическими пластинами. Он поднял на лоб новые защитные очки и посмотрел на Самсона, комбинезон которого стал красным от крови.

Самсон посмотрел на своего приятеля невидящим взглядом. Он не помнил, как шел обратно. Он даже путь сюда вспоминал с трудом.

– Ты как? – спросил Сайрус.

– Ты отправил много душ на небеса, – сказал Кинг за плечом Самсона.

– Я отправил много душ на небеса, – повторил Самсон, едва слыша собственный голос.

– Они не стали слушать?

– Они не стали слушать, – подсказал Кинг. – Они оскорбили Бога.

– Они не стали слушать, – эхом повторил Самсон. – Они оскорбили Бога.

– Ну... они получили по заслугам, верно?

– Да, – согласился Кинг, но Самсон промолчал. Он прошел мимо Сайруса, хлюпая кровью в ботинках и оставляя позади красные отпечатки подошв.

– Ты ранен? – спросил Сайрус.

– Не знаю, – ответил Самсон. Ему казалось, что это было совсем неважно.

* * *

Вечером Самсон, смыв с себя кровь и ошметки, сидел в аппаратной и смотрел программу Кинга, сезон 12, эпизод 14, в котором Кинг призывал очистить землю от неверующих.

«Те, кто оскорбляет Господа, заслуживают меча», – Кинг произнес эти слова нараспев и повторял снова и снова.

– Я помню это, – заметил Кинг.

– Сегодня я убил людей, – сказал Самсон. – Я даже проповедь не успел им прочитать.

– Они не стали бы слушать.

– Я не дал им возможности.

– Дал. Ты принес им мое Слово, ты произнес мое имя. Они отвергли тебя. Ты поступил правильно. Ты очистил землю от их скверны и отправил их души к Господу.

– И часто это будет происходить?

– Земля омоется их кровью, – ответил Кинг. – Будь уверен.

– 5 –

Отрицать истину Господа – величайший из грехов. И те, кто не верует, должны предстать перед Господом для возмездия.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 4, эпизод 2

– Ты здесь не всем нравишься, Самсон, – сказал Берни. – Думаю, тебе не стоит тут больше показываться.

Самсон посмотрел вверх и увидел пару снайперов, наблюдавших за ним сквозь прицелы винтовок. Остальные покинули свои обычные посты по периметру Рынка и подтягивались сюда же.

– Я пришел торговать, – ответил Самсон, одной рукой поднимая вещмешок, – и нести благую весть.

– Слышал я эту весть, что ты разносишь. И трупы видел. Репутация у тебя складывается вполне определенная – ты собираешь такую миленькую маленькую армию снаружи, в Эхо-парке.

Это так, хотя Самсон не любил называть их армией. Последние шесть месяцев он обходил лагерь за лагерем, обращая достойных и отправляя души неверующих к Господу. Те, в ком он находил единомышленников, присоединялись к нему и Сайрусу в студии. Там уже становилось тесновато. Скоро им пришлось бы куда-нибудь перебираться.

– Истинные верующие, – произнес Самсон. Теперь их уже почти сотня. Берни покачал головой и искоса посмотрел на Самсона:

– Ты изменился. Не могу сказать, кем ты стал, но явно кем-то другим.

– Я нашел Господа и следую учению нашего Спасителя, Джеймса Кинга.

– Ага. Или крыша у тебя уехала еще дальше, чем раньше. Мне говорили, что ты слышишь голоса. Это так? Ты уже окончательно спятил?

– Ты дашь мне войти, Берни?

– Ответь мне, и я отвечу тебе.

– Господь даровал мне милость лицезреть преподобного.

– Точно. Окончательно спятил.

Улыбка Самсона не погасла, хотя он никогда не любил, когда его называли тронутым. Сейчас это нравилось ему еще меньше, но Берни просто не понимал дар, которым Господь наградил Самсона. Пускай считает, что Самсон сошел с ума.

– Я ответил на твой вопрос, Берни. Ответь на мой. Ты дашь мне войти?

– Нет.

– Вот как? Я думал, что на Рынке принимают всех.

– Кроме убийц, – добавил Берни.

– В этих стенах нет никого, кто бы не убивал. Если я убиваю, то делаю это во имя Господа. Могут ли остальные сказать то же самое?

– Если ты хочешь пройти, тебе придется убить меня, – Берни дернул головой вверх, на снайперов. – И их тоже.

Несколько снайперов целились в Самсона, но остальные просто наблюдали. Все они покинули предписанные посты.

Улыбка Самсона стала шире, но по ней скользнула тень грусти, легкой тоски.

– Ладно, – ответил Самсон, – раз ты так хочешь.

Из-за улицы раздались выстрелы, и снайперы, державшие Самсона на прицеле, упали. Их головы взорвались от попаданий крупнокалиберных пуль. Кое-кто успел поднять оружие, чтобы пристрелить Самсона, но их самих сняли раньше, чем они смогли прицелиться. Оставшиеся бросились в укрытие, пытаясь найти цели. Они были слишком заняты, чтобы увидеть людей, которые взобрались на стены со стороны Рынка, пока снайперы наблюдали за разговором Самсона и Берни. Стрелки слишком поздно заметили угрозу. В дело пошли ножи, и все было кончено.

Самсон швырнул вещмешок в ворота Рынка и нажал кнопку детонатора, зажатого в ладони. Дымовые гранаты в мешке начали извергать клубы зеленого и пурпурного дыма, такого густого, что сквозь него ничего не было видно.

Внутри произошла настоящая резня, скоротечная и жестокая. Люди Самсона уже несколько часов провели на Рынке, занимая позиции и ожидая дыма, который скроет их атаку. Снайперами занялась лишь небольшая их часть. Остальные внизу сгоняли в кучу владельцев магазинов и покупателей.

Берни выхватил небольшой револьвер, рукоятка которого не разваливалась только потому, что была обмотана изолентой, и выпалил весь барабан. Только одна пуля царапнула голову Самсона, и внезапная резкая боль застала его врасплох. Самсон выбил пистолет из рук тщедушного старика и схватил его за шею.

Берни ошеломленно таращился на Самсона, его лицо стало красным, затем пурпурным.

– Что за хрень, – просипел он, – здесь нейтралитет. Твою мать, да все начнут охотиться за твоей дерьмовой башкой!

– Ты построил свой дом на песке, Берни, и падение его будет великое.

– Что за хрень ты несешь? – глаза Берни были готовы выскочить из орбит.

Самсон крепче сжал руку и услышал, как в шее Берни что-то хрустнуло. Мужчина вздрогнул и испустил последний сдавленный вздох.

– На самом деле я не знаю, – Самсон впервые задумался о смысле сказанных слов. – Так говорил преподобный Кинг. Обязательно спрошу у него.

* * *

– Сколько? – спросил Сайрус. Самсон уже привык к тому, что Сайрус не здоровался, не спрашивал, как дела. Когда Самсон возвращался в крови с головы до пят, Сайрус не спрашивал, чья это кровь.

– Мертвых или с нами?

– С нами. Мне нет дела до мертвых.

– Пятнадцать, – и сорок семь убитых.

Сайрусу могло быть все равно, а Самсону – нет. Он отправлял души в рай, ему не могло быть все равно.

– Неплохо.

– Из наших никто не погиб.

– Еще лучше. Чистая прибыль. А снаряга?

– Все забрали. Здание сожгли. Вот список, – Самсон дал Сайрусу заплесневелый гроссбух, который они нашли в студии и куда записывали все, что забирали у мертвых неверующих. Сайрус пролистал книгу и подумал о том, что хотя Самсон и начал учиться читать, но был еще далек от совершенства. Слова у него в голове часто путались, поэтому обычно он держал при себе того, кто мог бы писать за него.

– Оружие, хорошо. Патроны, еще лучше. О, я на это надеялся. Заначка Тесс, – хмыкнув, Сайрус провел пальцем дальше по странице и остановился на одной строчке. – 35884–77–6. Пять... черт, нет... пятнадцать канистр? Великолепно. Я слышал, что у нее есть немного, но пятнадцать? Не хочу даже знать, откуда у нее столько. Она сопротивлялась?

– Не особо. – Самсон предложил ей выбирать, как он предлагал всем. Она ответила ему пулей, промазав на километр. Он относился к ней с уважением, поэтому прикончил быстро, хватило одного удара кувалдой. – Стоит ли держать это здесь? Вроде бы, это опасная штука.

– Да, не стоит. Пару недель назад я отправил разведчиков, они нашли нам новое место. Больше чем это. А здесь мы оставим...

– Храм, – перебил Самсон. – Здесь будет храм. Мы все заберем и запечатаем его так, как было в начале. Здесь умер преподобный Кинг.

– Конечно, храм, я это и имел в виду. Просто мне кажется, что тут стоит оставить небольшой отряд для охраны, несколько ружей и патроны. Припасы. Ну, на всякий случай. А студию, в которой лежат его кости, мы запечатаем.

Самсон, прищурившись, посмотрел на Сайруса. Он понимал, что им манипулируют, но не понимал как.

– Хорошо.

– Прекрасно, я рад, что мы одинаково смотрим на вещи. Так вот, место, которое я нашел, достаточно большое, хватит на всех. И оно близко. Я тут покопался в истории – это была церковь. Вот давай и устроим там церковь снова.

Самсон нахмурился. Церковь? Достаточно большая для всех? Пока их люди жили в лагере, разбитом у входа в тоннель, ведущий в бункер. Но он знал только одно целое здание неподалеку, в которое могли поместиться все.

– Арена? Возле парка?

– Именно.

Арена – это большое полукруглое здание в Глендейле, за затопленным болотом, которое раньше было озером в Эхо-парке. Психи устраивали там бойцовский клуб каждую пятницу, полдюжины драк на большой сцене. Собакам на ужин доставался как минимум один труп. Самсон дрался там, когда был с «Придурками в коже», пока Психи не выгнали их банду из этого района в Этуотер.

– Это был Храм Ангелов, – продолжил Сайрус. – Достаточно большой, нам подойдет. Расположение прекрасное. Мы сможем поселить там всех, укрепить его, проводить службы. Все будет отлично.

– А Психи? Сайрус, это их штаб-квартира, они там живут. У нас недостаточно людей, чтобы с ними справиться.

– В открытом бою – нет. По крайней мере, не сейчас. Но я все придумал, – ответил Сайрус. – Тебе понравится.

– 6 –

Через доверие к Богу Он защитит вас от зла.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 14, эпизод 8

Арена. Толпа кричала, требуя крови Самсона. Они стояли на трибунах, свистели, бросали в него бутылки и стаканчики с мочой, которые отскакивали от мелкой сетки, окружающей арену. У Самсона висела на поясе цепь, которая тянулась к запястьям и лодыжкам. Его рубашка покрылась запекшейся кровью, глаза заплыли от ударов, которыми осыпали его при взятии в плен.

Самсону не нравился этот план.

– Я знаю, ты не чувствуешь ударов, – говорил Кинг, опуская руку ему на плечо, – но они все равно жгут.

Идеальная улыбка Кинга сияла в свете огней, на его темно-синем костюме не было ни пылинки. У статуса Избранника Господня было много преимуществ.

– Я могу пережить побои, преподобный отец.

– Я знаю, сын мой. И сегодня тебе придется это сделать. Во имя Господа.

– Я понимаю, сэр. Я не подведу вас.

В зале завизжал микрофон, затем раздалась громкая отрывка.

– Ладно, уроды, – зазвучало в усилителях. – Вам понравится гребаное шоу, которое мы приготовили для вас сегодня. Мы заполучили Люка Самсона. И даже если вы не знаете этого имени, вы точно слышали, что он сделал. Это он три месяца назад уничтожил Центральный Рынок. Это он убивает всех отсюда и до самого Голливуда. И знаете, что мы с ним сделаем? Прикончим его и пустим его башку по рядам.

Толпа ответила громовым ревом. Они хотели увидеть голову Самсона на колу. Они хотели нашинковать его на части, сжечь и пронести его обезглавленный труп по бульвару Сансет.

– Уже скоро, – сказал Кинг. – Держись, покажи им убедительное шоу, и они не заметят, что происходит.

Самсона забавлял тот факт, что Психи даже не задумались, как он оказался здесь. Неделию назад он просто вошел в их главный зал, сказал какому-то парнишке, кто он такой, и стал ждать. Его все узнавали – здесь все знали его в лицо, – но никто не спросил, почему он сдался. Никто не спросил, почему он позволил себя бить и даже не сопротивлялся.

И никто не спросил, где его армия.

– Сегодня в клетку Самсона войдут пятеро наших, и единственным, кто оттуда не выйдет, будет этот рыжий здоровяк!

Толпа походила на дикое животное, она лаяла, истекала слюной и рвалась с привязи. В ней не осталось отдельных людей, их поглотила толпа, сплавив всех в бурлящую массу. Она словно стала рекой в шторм, захлестывающей берега; лишенной разума энергией, которая жаждала увидеть смерть Самсона.

Самсон не смог бы пересчитать зрителей, но если среди них – или хотя бы где-то в здании – не было банды Психов в полном составе, он бы очень удивился.

Спереди сцена была закрыта мелкой сеткой, а сзади – колючей проволокой. Психи не хотели, чтобы сражающиеся пытались удрать с арены. В сетку из колючей проволоки была вделана калитка, тоже затянутая проволокой. В полу находилось с десятков люков.

Пять из них одновременно распахнулись, и в них появились противники Самсона. Они начали вылезать, но Самсон не стал ждать. Пусть ноги у него и были скованы, но цепь позволяла свободно двигаться. Поэтому он подбежал к ближайшему противнику и пнул его в лицо. Тот упал обратно в люк, так и не успев из него вылезти.

Один есть, осталось четыре. Толпа зашлась в крике, почуяв первую кровь. На Самсона надвигались двое, с двух сторон, медленно обходя его по кругу. У одного в руках был мачете, у другого – мясницкий нож. Оба они были крупные и мускулистые, с покрытыми шрамами телами. Они видели такую жестокость, которая большинству снится только в кошмарах.

Сначала Самсон разобрался с парнем с мачете. Тот замахнулся, клинок просвистел вниз, и Самсон поймал его цепью, обмотал петлей, резко развернулся и потянул клинок вниз, роняя вслед за ним и бойца. Локтем ударил его в лицо, сломав что-то. Мужчина с глухим стуком упал на пол.

С ножом было сложнее. Мачете длиннее, но это дало возможность использовать против него цепь. Мясницкий нож походил на помесь ножа и топора – хорошее рубящее оружие, и если для размаха нашлось бы достаточно места, противник мог серьезно пострадать.

Самсон отступил от парня с ножом, стараясь держать такую дистанцию, чтобы не погибнуть, но достаточно небольшую, чтобы не дать места для размаха. Ему приходилось прикладывать все усилия, чтобы его не порубили в капусту. Он понимал, что действовать нужно быстро – помнил, что где-то позади оставалось еще двое парней, хоть и не видел их. Самсона заставляли отступать в их сторону, поэтому он остановился, подождал подходящего момента и сделал шаг вперед.

Самсон рассчитал неверно, и нож скользнул по его руке, оставляя длинный тонкий разрез. Боль вспыхнула пламенем в его разуме – пока его избивали, он отключал ее, но сейчас это было уже не важно. Ему была нужна боль. Он разрешил кровавому гневу охватить себя, и на лице появилась гримаса, которую Сайрус назвал бы «лицом убийцы».

Он резко всадил парню с ножом колено между ног, расслышал сквозь крики хлопок, увидел, как у того на брюках в паху расплылось кровавое пятно. Самсон развел руки в стороны, разрывая цепи на запястьях, и сжал парня, не ослабляя хватку, пока не услышал, как хрустнул сломанный позвоночник. Развернулся и швырнул тело в одного из тех, кто подкрадывался сзади.

Парень с мясницким ножом больше не встанет, а вот тот, в кого его швырнули, уже поднимался. Самсону нужно было успеть разобраться с последним. У того в руке был нож, заточенный обломок металлического листа, да и сам он был довольно внушительным – почти таким же огромным, как Самсон. Это могло кончиться банальным выяснением «кто сильнее», и Самсон не был уверен сейчас, что смог бы победить.

И тут под ним раскрылся пол.

Самсон упал в люк, один из немногих, что открывались внутрь, а не наружу, пролетел около полутора метров – его грубо подхватили, не давая упасть. Самсон ударил кулаком, попав в чье-то лицо, и услышал, как ему снова и снова повторяют, что все хорошо, с ним все хорошо. Ему что-то надели на лицо, туго застегивая пряжки на затылке.

Сквозь грязный пластик респиратора он увидел Джеймса Кинга с блаженной улыбкой на лице.

– Пора, Самсон, – произнес тот. – Пора отправить их к Господу.

Над головой раздалось несколько приглушенных взрывов, пять подряд, потом десять с интервалами. Слышны удивленные крики толпы, которая уже поняла, что что-то не так, но еще не поняла что.

Потом раздались вопли.

Сайрус объяснил, что та штука, которую он хотел получить от Тесс, с ярлыком 35884–77–6 – это химическое вещество под названием ксилит бромид. В какой-то войне больше сотни лет назад она использовалась для изготовления слезоточивого газа. Он понятия не имел, откуда Тесс раздобыла эту дрянь, но теперь она была у них, и он собирался ей воспользоваться.

В небольших дозах эта штука вызывала жжение в глазах и повреждения гортани. В более высокой концентрации – отеки и рубцевание глаз, спазм дыхательных путей, ожоги легких. А та концентрация, которую они только что запустили в здание, не оставила бы в живых никого.

Вместе с отрядом, который вытащил его со сцены, Самсон шел по тоннелю, ведущему наружу. Они вышли из двери подвала и заперли ее за собой, продев в рукоять двери пару ржавых прутьев арматуры.

Самсон снял маску респиратора, глубоко вдохнул чистый прохладный воздух и закашлялся. В маску попало совсем немного вещества, но у него чесалась кожа и начали гореть глаза. Женщина, которая была с ними в отряде, попросила его опуститься на колени и промыла ему глаза водой из бутылки.

– Это поможет, – сказала она. – Кожу тоже надо будет отмыть, но это подождет. Дышать можете?

– Да, – ответил Самсон, чувствуя, что язык начинает отекать, и думая о том, надолго ли его хватит. – Просто в глазах жжет.

Она дала ему вторую бутылку.

– Продолжайте промывать глаза, сэр. Мне нужно вернуться к дверям и следить, чтобы никто не выбрался.

– Хорошо, послушница...

– Новопосвященная, сэр. Новопосвященная Катерина Волкова. Слава Богу и его Пророку Джеймсу Кингу.

– Слава Богу, – ответил Самсон, слезящимися глазами глядя ей вслед.

– Через несколько минут наши люди войдут внутрь и прикончат выживших, – сказал Кинг. – Все безбожные грешники оттуда отправятся напрямик к Господу. Славная победа Воинства Божьего, а, Самсон?

– Конечно, преподобный.

Самсон думал о том, сколько там было человек. В банде Психов было не меньше сотни членов, а то и полторы. Учитывая, сколько было желающих увидеть голову Самсона отдельно от тела, там явно собрались не только Психи. Две сотни? Три? Он никогда не видел столько мертвых. Ему трудно было себе такое представить.

– Что-то не так, Самсон?

– Просто... мы не дали им выбора. Даже на Рынке, даже в лагерях мы предлагали им выбор.

– Мы и здесь предлагали выбор, сын мой. Ты вошел в логово этих еретиков, позволил им бить и пытаться себя. Они могли остановиться. Они могли не начинать. Те, кто пришел посмотреть на твое убийство, могли бы остаться дома, – Кинг покачал головой и опустил руку на плечо Самсону. – Они могли бы не принимать участия в этой дикости, но они сами так решили. Не думай, что у них не было выбора.

Самсон снова промыл глаза и поверил Джеймсу Кингу. Поверил, что они поступили правильно.

– 7 –

И семена вашей гибели упадут в почву ваших успехов.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 4, эпизод 7

Четыреста двадцать убитых. Самсон сидел на грязной траве, промокший от влажного и зловонного ветра из города, и повторял это снова и снова.

Четыреста двадцать убитых. Здание полностью зачистили от трупов прошлой ночью, когда последнего вытащили и бросили в погребальный костер, пылавший в пересохшем озере Эхо-парка. В глазах Самсона плясал огонь, и ветер раздувал языки пламени, словно сам Господь питал костер своим жарким дыханием.

Небо сплошь было затянуто низкими тучами. Костер подсвечивал их рыжими сполохами, над побережьем стелились дым и копоть.

– Пахнет шашлыками. – Сайрус сел рядом с Самсоном и тоже стал смотреть в костер. Прошло три дня, и все это время Сайрус был слишком занят, чтобы навещать друга. Но для беспокойства повода не было. За Самсоном приглядывало множество людей.

Самсон кивнул. Запах действительно был похож. Его рот наполнился слюной, ему очень захотелось жареного опоссума. Он толком не ел с тех пор, как сдался Психам.

– Почему ты был уверен, что это сработает? – поинтересовался Самсон.

– Бог подсказал, – Сайрус рассмеялся, глядя на выражение лица Самсона. – Да нет, только ты у нас на связи с большим парнем. Просто я знаю Психов, знаю этих людей. Им плевать, зачем ты пришел, им просто нужна была твоя голова. При этом они не отрезали бы ее по-тихому. Им нужен был спектакль. И мы им его устроили.

– Мы всех убили.

От газа погибли не все, по крайней мере, не сразу. Те, кто принял первый удар, быстро задохнулись, когда их горло перехватило спазмом, а легкие скукожились в грудной клетке. На это потребовались считанные минуты. Другие умирали дольше, но это мало что меняло. Самсон считал, что хуже всего пришлось тем, кого газ не убил, а оставил корчиться в агонии, задыхающимися, ослепшими и истекающими кровью из выжженных глаз.

Многие не могли даже кричать, просто лежали, ожидая удара милосердия от солдат Церкви, идущих через Арену с дубинами и ножами.

– Ну да, приятель, так и есть, – сказал Сайрус. – Всех до последнего вонючего грешника. И заполучили неплохое местечко. Прибраться слегка, проветрить... Пройдет пара дней, прежде чем туда можно будет входить без масок, но потом – оно будет нашим.

– Теперь нас еще больше возненавидят, – проронил Самсон.

– И прекрасно. Проще отделить святых от грешников. Мы делаем Божью работу, – ответил Сайрус. – Те, кто против нас, против Бога.

Где-то тут была логическая несостыковка, но Самсон не смог ее найти и перестал об этом думать. Вместо этого он спросил:

– А что теперь?

– Теперь самое время перегруппироваться, собраться с силами и подготовиться к серьезному расширению. Ты знал, что у них тут есть радио? Эти тупицы даже не умели им толком пользоваться. В штабе у них просто бардак. Думаю, нам стоит его включить и начать нести благую весть язычникам подальше от дома. Собираюсь начать передавать проповедь Джеймса Кинга. Распространить ее везде.

– Это как Кинг и его телешоу?

– Лучше. У него была конкуренция. Люди много чего смотрели. Но сейчас ты включаешь радио и слышишь, как какой-то деревенщина вещает о кислотном дожде или вспышке лучевой болезни в какой-нибудь дыре. Мы заставим работать эту штуку и вычистим все это дерьмо. Распространим слово дальше и шире, чем когда-либо раньше. Мы пустим проповеди преподобного Кинга в эфир, и они дойдут до каждого. Церковь станет просто огромной.

– Это все не для Церкви, Сайрус. Это для Бога. Для преподобного Кинга.

– Ну да, – кивнул Сайрус. – Конечно. Именно об этом я и говорю.

– Извините. – На них упала чья-то тень.

Самсон поднял голову и увидел высокую женщину в красном комбинезоне и с длинными черными волосами. Она протянула ему бутылку воды:

– Извините за беспокойство, я подумала, что вам понадобится вода. Врач говорит, что всю следующую неделю вам нужно промывать глаза несколько раз в день.

– Послушница Волкова, – Самсон забрал бутылку. – Благодарю.

Женщина кажется знакомой, но Самсон не мог вспомнить откуда.

– Мы встречались?

– Пожалуйста, сэр. Да. Я помогла вам выбраться с Арены. И я дала вам воды промыть глаза. По крайней мере, это все, что я могла сделать. Вы многим пожертвовали ради нас, сэр. Должно быть, там было ужасно. И я новопосвященная.

– Теперь послушница, – сказал Самсон. – Я знал, что Господь следит за мной. Мне не о чем было беспокоиться.

– Откуда ты, крошка? – спросил Сайрус.
Волкова вздрогнула, словно только сейчас заметила Сайруса:
– Из Голливуда, сэр. Я в Церкви около месяца.
– Я слышал, Голливуд стал большим городом.
– Да, когда я там была, – ответила она. – Главным образом, за счет беженцев. Люди боятся вверять себя Церкви.

Сайрус кивнул:

– Можешь идти.

Она слегка поклонилась и убежала раньше, чем Самсон успел попрощаться.

– Что это было? – спросил он. – Ты раньше никогда не спрашивал, кто откуда.

– Голливуд становится слишком... – Сайрус запнулся, – полон греха. Шлюхи, педики, наркоманы и коммунисты. Ты спрашивал, что дальше. Вот это.

Самсону было интересно, когда они дойдут до этого разговора. Они с Сайрусом много раз бывали в Голливуде у шлюх, но потом нашли Джеймса Кинга, и все изменилось. Много лет назад, когда Самсон оказался там впервые, Голливуд был не крупнее обычного лагеря, но с тех пор разросся до города приличных размеров. В последний раз там было около тысячи человек, и если Волкова не врала, то теперь город стал еще больше за счет грешников, которые сбегались туда от Церкви.

– Как скажешь... – ответил Самсон.

– Ну не прямо сейчас, – рассмеялся Сайрус. – Не раньше чем мы обживемся тут как следует. Не раньше чем мы укрепим. У нас есть люди, это так, и они хороши в драке, но если мы хотим захватить Голливуд, нам потребуется настоящая армия. А ее у нас пока нет.

Самсон задумчиво почесал подбородок.

– Ладно. И что нужно, чтобы ее создать?

– Этим займусь я. Ты продолжай проповедовать и махать своим молотом.

Самсон нахмурился.

– Я не ребенок, Сайрус. И не тупица. Я могу помочь с планированием.

– Конечно, можешь, – заверил его Сайрус. – Я просто не хочу беспокоить тебя всякими скучными пустяками. Я же знаю, что ты не дурак. Но Самсон понял, что он лжет.

* * *

Сайрус считал, что Самсона можно было называть по-разному: безумцем, идеалистом, наивным. Но толпой этот рыжий гигант управлять умел.

– Вам может казаться, что вы пришли к нам по разным причинам, – говорил Самсон, оглядывая ряды паствы, выстроившиеся перед Храмом Ангелов. Его голос гремел из динамиков. – Но причина одна для всех. Вам нужны ответы. Нужна надежда. Вы пришли, потому что видели Истину и

Свет. Вы пришли, потому что знаете, что путь к Богу через его Пророка Джеймса Кинга – единственный верный путь.

Толпа взорвалась криками «Аминь!» и «Аллилуйя!». Сайрус стоял в стороне, изучая толпу, и видел на всех лицах сосредоточенное внимание. Они созерцали истинное величие. Глупое величие. Ну и что? Многие из этих невежд не способны были собственную задницу двумя руками нащупать. Самсон следовал своим инстинктам, делал то, что казалось ему важным, – и это именно то, что было нужно собравшимся. Самсон выдал им много пропитанного эмоциями бреда, и они были готовы идти за ним, куда угодно.

И это до чертиков пугало Сайруса. Потому что он знал, что эти люди отдали бы жизнь за Самсона, за Джеймса Кинга, за Бога, за Истину и Свет и прочую лабуду – но они никогда бы не сделали этого ради Сайруса.

Самсон всегда обладал этим неуловимым качеством, которого сам не замечал, – женщины влюблялись в него, мужчины хотели быть его друзьями или держаться от него как можно дальше. Так было всегда. Поэтому Сайрус и связался с ним – если сам не можешь быть великим, держись рядом с великими, как рыба-прилипала.

– Некоторые прислушаются к вам, – продолжил Самсон. – Они встретят вас с распростертыми объятиями. Они придут к нам легко, по собственной воле. Но некоторые откажутся слушать. Вы знаете, что делать, когда это случится?

Вместо «Аминь!» и «Аллилуйя!» звучало «Убить!», «Сжечь!» и «Сожрать их детей!». Самсон кивнул, хотя взгляд его стал печальным.

– Они очистятся в огне Божьей любви. Наши мачете, молоты и ружья отправят их души в рай. Вы станете орудием их спасения.

Толпа ревела и тянула руки к Самсону. У некоторых стояли слезы в глазах. Сайрус поморщился – это была любовь. Любовь не к Церкви, не к Слову.

К Самсону.

Сайрус оглянулся на Храм Ангелов и снова посмотрел на Самсона. Самсон в большой степени и есть Церковь, а это означало, что если умрет Самсон – исчезнет Церковь. А если исчезнет Церковь, что будет с бедным стариной Сайрусом?

К счастью, у Сайруса были идеи о том, как перенаправить эту любовь. Как сделать Церковь чем-то большим, чем Самсон. А самое главное – Самсон сам произнесет слова, которые приведут к этому.

– Так что возьмемся за дело, – повторил Самсон слова, которые подсказал ему Сайрус. – Вы все выучите Евангелие Кинга, чтобы приветствовать братьев с распростертыми объятиями. Вы будете всерьез тренироваться с оружием, чтобы встречать неверующих возмездием. С завтрашнего дня вы все получите звания и будете распределены по отрядам и батальонам. Некоторые из вас станут капитанами, рыцарями, администраторами. Мы дополним нашу веру дисциплиной. Мы станем армией, которая нужна Господу. Мы станем его багряной правой десницей, – Самсон ударил по кафедре кулаком так, что содрогнулась вся сцена.

Толпа опять кричала «Аминь!» и «Аллилуйя!», требовала крови неверующих. Сайрус улыбнулся. Самсон только что вбил первый гвоздь в крышку собственного гроба. Пока еще слишком рано было убирать его – он был крупной фигурой, реальней самой реальности. Прямо сейчас без него все бы развалилось.

Но Сайрус думал, что уже скоро все эти капитаны, рыцари, администраторы привыкнут к своей работе и начнут понимать, что их будущее обеспечено, пока стоит Церковь. И вот тогда Сайрус смог бы начать планировать, что ему делать с Самсоном.

– 8 –

Бог назначит вам трудный путь. Вас ждет множество неудач. Но они есть лишь испытание вашей решимости, вашей верности Его истине.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 4, эпизод 19

Вдохновение для обучения Самсон черпал в столетней давности фильмах с нелепыми названиями, найденных в студии Кинга. «Коммандо», три разных фильма про «Рокки», что-то о мальчишке, который учился карате, и еще с десятков других. Пленка была настолько старой, что следить за сюжетом у Самсона не получалось, но все они были о мужчинах и женщинах, которые боролись со злом и коррупцией, в них были короткие сцены тренировок, а финал всегда был одинаковый: герои превращались в неудержимых убийц.

Поэтому и обучение в Церкви было жестким и скоротечным. Каждый солдат армии Господа участвовал в учениях, тренировочных боях, маршах и поединках. Их учили стремительному рукопашному бою, владению холодным оружием с элементами акробатики, стрельбе с двух рук и той разновидности боевой медитации, когда надо концентрироваться на перезарядке оружия и заточке клинков.

Режим тренировок был тяжелым, и выжившие знали, что они – лучшие из лучших, солдаты воинства Божьего. Те, кто был способен справиться, – выживали. Остальные – нет. Для слабых места не было. Потому что слабость, как говорилось в постоянно пополняемой благой книге Сайруса, есть недостаток веры.

Вооружившись этим, солдаты Церкви отправлялись в мир, чтобы умножить свои ряды и посыпать землю солью. Они были уверены, что не могут поступить неправильно, потому что их направляли Бог, Джеймс Кинг и Люк Самсон.

Они обращали людей десятками и убивали сотнями.

* * *

На улице Франклина в одном из зданий, наполовину утонувших в грязи и заросших кустарником, они поймали шпиона.

Самсон при свете факелов смотрел сверху вниз на человека на полу. По лицу пленного плясали тени, руки были связаны за спиной. Он говорил, что

просто поселенец, еще один мусорщик, коих в мире стало не счесть. Но он выглядел слишком сытым, слишком чистым. Он не походил на человека, который живет одним днем.

Армия Самсона встала лагерем на углу Западной и Лос-Фелиз и готовилась к последнему броску в притон греха – Голливуд. После захвата Храма Ангелов прошел год, заполненный боями и тренировками. Самсон помнил каждый день этого года. Церковь медленно расширяла свои владения на север, к Лос-Фелиз и Глендейлу, строя укрепления. Сайрус не спешил выступать на определенную им же самим много месяцев назад «следующую цель». Но Джеймс Кинг все это время нашептывал Самсону, что настала пора предать мечу распутников и гомосексуалистов Голливуда, от чего у того вскипала кровь и начинала болеть голова. Самсон уже места себе не находил, но, к счастью, Сайрус наконец дал добро, и армия выступила на Голливуд.

После Лос-Фелиз сражений было удивительно мало, в основном с партизанами. Из Гриффит-парка до Лос-Фелиз тянулись заросли мутировавших дубов, полыни и толокнянки. Место идеально подходило для засад, но армия сталкивалась с ними так редко, что Самсону было очевидно – Голливуд чего-то ждал. Только непонятно, чего именно.

– Как тебя зовут? – спросил Самсон, опускаясь на корточки перед пленным. Того избили – один глаз затек, на щеке расплзался огромный синяк, в волосах запеклась кровь. Самсон поднял глаза и посмотрел на отряд, который привел пленного. Их командир, лейтенант Волкова, вытянулась по стойке смирно.

– Дженсен, – ответил пленник, едва ворочая языком.

– Это имя или фамилия?

– Не знаю. Просто Дженсен, – ему трудно было сфокусировать взгляд. Возможно, у него было сотрясение мозга.

– Мы, начиная с Вермонта, зачищаем все улицы. Ты – первый, кто попытался в нас выстрелить, все остальные разбежались. Почему ты остался?

– Я тут живу. Не уйду никуда, кто бы тут ни палил.

– А, у тебя есть принципы, – сказал Самсон, потому что Кинг часто использовал этот оборот в проповедях, хотя сам он не понимал, что это значит. – Ладно. Но я тебе не верю.

– Это правда, – пленник сфокусировал взгляд на лице Самсона и снова стал смотреть в никуда.

– А я думаю, что ты шпион. Из Голливуда. Пришел посмотреть, насколько мы сильны, что мы делаем. Так, Дженсен? Ты шпион?

– Я тут живу.

Самсон ударил его по лицу кулаком в перчатке со свинцовыми вставками, разбивая скулу. Пленник упал, но, надо отдать ему должное, не закричал, только зашипел от боли.

– Не ври мне. Будет больнее.

Пленник хрипло шептал что-то, но так тихо, что Самсон не разобрал слов. Он наклонился и сжал голову пленника в руках:

– Повтори.

– Я сказал: «Отправляйся в ад».

И тут Самсон увидел, что у Дженсена было что-то в руке, что провода какого-то устройства уходили в его рукав. Самсон разорвал на нем рубашку и увидел примотанные к груди прямоугольники взрывчатки.

Потом Дженсен щелкнул детонатором, и больше Самсон ничего не помнил.

* * *

Самсон пришел в себя под отдаленные звуки стрельбы. Он выплюнул каменную крошку, сбросил с себя кирпичи и обломки. Здание было уничтожено, а он, каким-то чудом, нет.

– Бог спас тебя, – сказал Кинг, протягивая руку, чтобы помочь ему встать. Самсон отмахнулся – если бы он не смог встать сам, тогда и вставать было незачем. Его левый глаз не открывался, левая рука сломана и он весь в порезах, многие из которых придется зашивать, но все равно его состояние намного лучше, чем должно бы быть.

– Я должен был погибнуть, – проговорил он.

– Вот я и говорю, Бог тебя спас.

Самсон встал и одним глазом обвел развалины дома. От Дженсена остался обгорелый кусок плоти, который кое-где еще дымился. Самсон предположил, что взрывчатка по большей части загорелась, а не взорвалась. Но тогда почему обрушилось здание?

Секунду спустя он узнал ответ на этот вопрос. Раздался громкий свист, и земля содрогнулась, когда стало рушиться следующее здание. Воинство Божье собрало много видов оружия, но артиллерии у них так и не появилось. Похоже, Голливуду повезло больше.

Он услышал стон из угла – из развалин показалась Волкова. Самсон, прихрамывая, пошел помочь ей вылезти.

– Ты в порядке? – спросил он, когда женщина встала. Она кивнула, взгляд был осмысленный. Волкова тоже вся была изранена, на лбу была шишка, от которой лицу расплзался синяк.

– Что случилось? Откуда у него бомба? Кто его обыскивал? – Самсон понял, что тряс ее, остановился, сделал глубокий вдох и стал ждать ответа.

– Вернер, сэр. Он... – Волкова запнулась, оглядывая свой отряд, лежавший в развалинах, сломанные конечности и обожженные тела. – Он обыскивал пленника. Нам не пришлось в голову проверить второй раз.

Предатель. Самсон так и думал. Он не помнил Вернера – армия так быстро стала огромной, что лично знать каждого он уже был не в состоянии.

Опять свист минометного снаряда, опять взрыв... Сейчас били чаще и громче, простреливая квартал из края в край, разрушая все. Хороший план. Самсону хотелось сделать то же самое с ними.

– Пойдем. Назад, на холм, – Самсон вывел Волкову на изрытую воронками улицу, уворачиваясь от падающих кирпичей и горящих обломков дерева. Повсюду валялись трупы. Те немногие, кто еще мог стоять на ногах, пытались перегруппироваться, но, оставшись без командиров, превратились в неуправляемую толпу, которая способна только погибать.

Связи нет. Большинство раций было у офицеров, а те почти все погибли или смертельно ранены. Пока Самсон собирал уцелевших и отводил их вверх по Западной к Лос-Фелиз, они потеряли еще несколько десятков человек. Он быстро сделал расчет потерь, чтобы оценить тяжесть полученного удара. Армия лишилась не меньше двух третей состава, и Самсон отдал приказ к отступлению.

Он знал, что если бы ситуация была обратной, то быстро бы отправил сюда войска для зачистки. Его армия сейчас находилась в таком беспорядке, что не смогла бы оказать серьезное сопротивление.

Отступление – это просто красивое название бегства. Это противоречило всему, во что Самсон верил, тому, что он проповедовал. Но, оглядывая мертвых и раненых, он прекрасно понимал, что сражения они бы не пережили. Их просто было слишком мало. Поэтому он отправил самых здоровых в арьергард для защиты и увел всех, кого еще мог спасти.

По пути к Вермонту Самсон оглянулся назад, и ему показалось, что увидел, как Джеймс Кинг от стыда опустил голову.

– 9 –

Не принимайте послание Господа за самого Господа.
Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 5, эпизод 9

– Больше всего проблем было со слонами-мутантами, – сказал Сайрус, входя в дверной проем. Двери давным-давно были сорваны с петель.

– Со слонами? – Самсон шел следом, остановился на краю ямы сразу у входа и посмотрел на нее своим единственным глазом. Пустая глазница второго закрыта повязкой и чешется. Если он слишком сильно фокусировался на чем-то, у него начинала болеть голова. Свой молот он теперь носил за другим плечом.

Для чего нужна была эта яма? Она была колодцем? Очагом? Яма широкая и не очень глубокая. Если она использовалась для разведения огня, то конструкция явно неудачная – дымохода нет, дым заполнял бы все здание. Может быть, это была яма для гладиаторов, как раньше на Арене? Внизу хватило бы места для двух бойцов, если вы не ждете, что они будут выполнять сложные маневры.

– Угу. Чертовы твари были в зоопарке, когда случился конец света. Теперь у них бивни размером с чертов бьюик, и они жрут мясо. Фиг знает, с чего их так разнесло – радиация? химия? Дружище, ну и здоровенные же они! И еще эти гребаные гигантские сурикаты, которые ссали кислотой.

Самсон понятия не имел, кто такие сурикаты, и ему было все равно. Он думал о другом.

– Но вы все расчистили?

– Иначе мы бы сейчас тут не стояли, – ответил Сайрус. – Но они по-прежнему где-то там. Их слышно по ночам. Прежде чем тут устраиваться, надо будет расставить пушки по периметру.

Самсон поднял взгляд к потолку, на облупившуюся фреску. За долгие годы она отсырела и покрылась черной плесенью. Что там было? Небо? Звезды? Он не мог разобрать. В верхней части всех двенадцати стен этой комнаты тоже были какие-то фрески, но их постигла та же участь. Там были изображены люди, но что они делали?

– Что тут было?

– Называлось это обсерватория. Наверное, наблюдательный пункт. Видел огромные купола на крыше? Там могли сидеть наблюдатели, или еще что. Судя по всему, там и телескопы раньше были, но сейчас, конечно, мало что осталось. Платформы, что-то похожее на пушечный лафет... Думаю, отсюда наблюдали за городом, до того как все пошло к чертям.

– Хорошая позиция, – согласился Самсон. – Легко защищать. Хороший обзор.

Огромное здание на холме на краю Гриффит-парка возвышалось над Лос-Фелиз. Странно, что Самсон не знал о его существовании, но с улицы его не было видно из-за зарослей. Мутировавшие деревья и кусты почти полностью скрывали обсерваторию. И ни один человек в здравом рассудке не полез бы в Гриффит-парк. Во-первых, там твари, с которыми столкнулся Сайрус. Во-вторых, ходили слухи, что в лесах водилось много всякого: людоеды, гигантские медведи, да еще что похуже. Он слышал, что какое-то время назад часть парней из банды «Подонков в коже» перебралась повыше в холмы, и что какая-то группа под названием «Маннериты» кочевала по окраинам парка в Глендейле. Но ни один человек из Церкви никогда их не видел.

Самсон думал о том, была ли эта земля такой до того, как упали бомбы. Безлюдной. Скорее всего, нет. Им была нужна прямая видимость на город внизу, и в любом случае, тот, кто построил такое внушительное здание, захотел бы, чтобы его видели.

– Насколько эта штука большая? – спросил Самсон.

– Не такая большая, как Храм, но армия поместится тут без проблем. Я думаю, можно назвать это место «Оплотом Веры»? Как тебе кажется?

Самсон одобрительно кивнул. За два года, прошедшие с вылазки на Западную, они постепенно восстановили армию, но она все равно была меньше, чем прежде. И Голливуд ни на день не оставлял их в покое – впрочем, и Самсон не оставлял в покое Голливуд.

Он шел за Сайрусом по короткому коридору, мимо устройства в форме пирамиды, обмотанной металлической спиралью, на вершине которой в небольшом углублении был установлен шар.

– Что это?

– Понятия не имею. Что-то электрическое. Мы узнаем, когда протянем сюда энергию.

– Мне кажется, у нас недостаточно людей, чтобы привести тут все в порядок, – проговорил Самсон. – Но я мог бы попросить нескольких воинов помочь с защитой.

Сайрус стиснул зубы, но мгновение спустя заулыбался:

– Спасибо, они нам пригодятся. Тут бродят не только чудища из зоопарка, но и мутанты, и, может быть, эти отродья из Голливуда. С них станется попробовать что-то устроить в парке. Не говоря уже о том, что гребанные мутанты пытаются нас выбить отсюда.

– Сколько ты потерял?

– Понятия не имею. Думаю, что слишком много.

Самсон фыркнул. Даже сейчас, когда каждый человек необходим, чтобы выжить, Сайрус не утруждал себя мыслями о погибших. Интересно, знал ли он их имена?

– Я думаю, нам стоит перенести основную базу сюда, а Храм оставить для служб.

– Ближе к Голливуду? – спросил Самсон. – Думаешь, стоит?

– В парке не так много дорог. А попасть конкретно сюда можно только по тоннелю.

По дороге сюда Самсон действительно видел, что единственным не заваленным путем был сомнительного вида тоннель, который нужно будет укрепить. Другие дороги, ведущие к зданию, были разрушены бомбежкой и представляли собой сплошные кратеры, заваленные упавшими деревьями, заросшие кустарником. Отряду со взрывчаткой понадобился бы как минимум целый день, чтобы их расчистить.

– И это место подходит для сбора войск, когда мы будем готовы снова пойти на этих ублюдков, – сказал Сайрус. Не «если», а «когда». Самсон не меньше, а то и больше него хотел, чтобы Голливуд пал. Эти сволочи лишили его глаза, в конце концов. Но чем дальше, тем меньше он верил в то, что это случится.

– А нам не придется убирать растительность? И не откроемся ли мы для удара? – Самсон вспомнил минометы, которые превратили Западную в настоящий ад.

– Теперь у нас тоже есть артиллерия, – напомнил Сайрус.

Хоть что-то хорошее было за эти два года. В одном из налетов Самсону удалось отбить несколько голливудских минометов. Может быть, этого было недостаточно, чтобы получить преимущество, – но достаточно, чтобы почувствовать себя уверенней. Еще лучше то, что они захватили нескольких инженеров. Когда им предложили выбор: делать минометы для Церкви или умереть, инженеры достаточно быстро обратились в веру. По крайней мере, большинство из них.

– Как тут с охотой?

– Если ты не против слонов-мутантов в меню, то будешь есть, как король.

– Ну ладно... Предположим. Давай, делай.

– Самсон, мне кажется, ты мне не доверяешь.

– Дело не в этом, – ответил Самсон. – Просто...

– Нет, в этом. Я чувствую. У тебя на лице все написано, Самсон. В чем дело? Что тебя беспокоит? Проповеди? Дело в них, да?

Самсон запнулся, не зная, что сказать. Дело действительно было в проповедях. Отчасти поэтому он хотел приехать сам. Он был зол, когда услышал их по радио, но не знал, что с этим делать.

– Они... неправильные, – сказал он, хотя сам не знал, что в них было неправильно. Все слова были правильные, но что-то в них было не то. Чего-то не хватало. Нет, что-то было лишним. Проповеди Сайруса – о том, что люди должны следовать за воинством Божиим, что именно Церковь – путь к праведности, а не Слово Божье, не учения Кинга.

– Понимаю, – кивнул Сайрус. – Ты боишься, что теряется послание. Что Церковь становится важнее, чем Слово.

Самсон не был уверен, что его беспокоило именно это. Вроде как все казалось правильным, но он не был уверен. Он кивнул, потому что не знал, что можно сделать еще.

– Самсон, воинство Божье – это голос Бога, – Сайрус ткнул его в грудь. – Ты голос Бога. Ты говоришь с Джеймсом Кингом, не я. Я просто передаю его слова в эфир. И да, иногда я кое-что подправляю, но это необходимо. Если мы хотим, чтобы люди шли к нам, надо же объяснять им, куда идти.

– Верно...

– Так что если я изменяю какие-то слова, чтобы подтолкнуть людей к Церкви, привести их к нам, это не просто хорошо, это необходимо.

Самсону сложно было в этом разобраться, но он попытался выразить то, как понимал слова Сайруса:

– Ты хочешь сказать, чтобы донести учения, приходится менять учения?

– Именно! Ты все правильно понял!

Да ничего он не понял. Ему все это казалось полной бессмыслицей. Но в последнее время так часто бывало. После битвы на Западной он не видел и не слышал Джеймса Кинга и чувствовал себя потерянным. Он утратил почву под ногами. У него оставались только учения, а если и они больше не были святы, то где он? Что он такое?

– Так ты пришлешь мне ребят к следующей неделе?

– А, да. Я отправлю отряд, как только вернусь в Храм, – Самсон вышел из обсерватории и пошел вниз по холму, растерянный и смущенный.

– 10 –

Придет время нанести удар по неверующим, грешникам и демонам, досаждающим Избраннику Божьему. И когда это время придет, ты должен напасть всей своей мощью.

Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 13, эпизод 3

Самсон вытащил свою кувалду из месива, в которое превратилась голова неверующего, и забросил на плечо оружие с прилипшими к нему кусочками окровавленных мозгов и кости. Остальные неверующие, шесть мужчин и женщин, распространивших печатные брошюры об опасности

Церкви, уже убиты. У каждого из них был рюкзак с сотней маленьких книжечек.

Самсон вытер окровавленную руку о штаны и подобрал из кучи на земле одну из книжек с картинками. Размером она была не больше игровой карты, в ней было всего несколько страниц, но картинки были совершенно понятные, хотя Самсон не смог прочесть ни слова.

– Это, должно быть, я? – спросил он, показывая брошюру рыцарю-капитану Волковой. Она взяла и пролиستала ее.

– Да, сэр.

– У меня действительно такой большой нос?

– Нет, сэр, – она вернула ему книжку. – Думаете, они из Голливуда?

– Откуда еще им быть? Для этих штук нужна бумага, чернила, печатный станок. Кто еще это может быть?

После поражения Церкви на Западной прошло три года. Голливуд по-прежнему был в Голливуде, Церковь – в Эхо-парке. Силвер-Лейк оставался безлюдной территорией, не принадлежащей ни одной стороне.

Конечно, Церковь пыталась двигаться дальше. Но каждый раз ублюдки из Голливуда отбрасывали людей Церкви назад. Они нападали ночами, небольшими группами, и подтачивали силы Церкви до тех пор, пока не оставалось никого, или людей становилось слишком мало, чтобы удерживать позиции. Подлецы и дерьмо, все до единого. Хотя они вроде бы не пытались расширять свои границы, но не давали распространяться и Церкви. И над всей этой территорией витала сдержанная напряженность. Вместо обычной изнурительной войны обе стороны вели сражения в эфире. Церковь транслировала проповеди по радио, Голливуд глушил эту частоту, менял и передавал отвратительную рекламу публичных домов и наркопритонов, и тогда уже Церковь глушила, меняла частоту и транслировала свое, и тогда Голливуд глушил... Так же как и с землей, ни одна сторона не могла полностью контролировать эфир.

Брошюры оказались чем-то новеньким. В Голливуде не сражались честно. Они не могли. Люди были на стороне Церкви, поэтому в Голливуде прибегали к уловкам и лжи. Распространяли подлые слухи о Самсоне и его последователях, старались подорвать их влияние. Пытались оттолкнуть людей от Божьей благодати.

– Хочу, чтобы все эти отвратительные книги собрали и сожгли, – приказал Самсон. – И пусть убьют каждого, у кого найдут экземпляр.

– Да, сэр.

– А в этой ты трахаешь собаку, – рассмеялся Сайрус, листая одну из брошюр. Он сидел в своем кабинете в Храме Ангелов, водрузив ноги на тяжелый дубовый стол, оставшийся еще от Психов.

Самсон ерзает на стуле. Ему не нравилось находиться в кабинете Сайруса. Он чувствовал себя маленьким и так, будто он провинился в чем-то. Он знал, что это все были просто фокусы. Стол Сайруса стоял на

возвышении, и поэтому казалось, что Сайрус смотрел на людей сверху вниз. Как бы там ни было, это беспокоило Самсона.

– Это отвратительно.

– Конечно, отвратительно. Но довольно смешно. А здесь у тебя еще и крошечный член. Жаль, что ты все сжег.

– Мне они не нравятся. И я не понимаю, зачем тебе нужна эта дрянь.

– Не будь таким серьезным. Это же я, Самсон. А это? Это фигня. Черт, все эти их вылазки на нашу территорию, их дерьмовые глушилки, это все просто-напросто значит, что мы заставили их побегать.

– В смысле?

– За исключением этого дерьма Голливуд сидел тихо. К нам отовсюду приходят новообращенные. Все идет хорошо, так?

– Ну да, но...

– В этом-то и проблема.

Самсон нахмурился, но тут же вспомнил, что его хмурый вид нервировал людей. Лицо убийцы – так это называл Сайрус. Усилием воли он удержал нейтральное выражение. После того как он перестал видеть Кинга, он изо всех сил старался жить так, как, по его мнению, хотел бы этот человек. Он снова и снова пересматривал кассеты. Не только те, которые транслировались в эфире, но и необработанные видеоматериалы. И Самсон заметил, что Кинг никогда не делал и не говорил ничего, пока не был готов к этому. И это отражалось в его лице. Когда Кинг испытывал гнев, то *использовал* его. Не просто позволял ему себя захлестнуть, а всегда держал себя в руках. А у Самсона с этим постоянно были проблемы.

– Продолжай, – попросил он.

– Враги – это не просто те, кто хочет тебя убить, Самсон. Их можно использовать. Почему кто-то хочет искоренить Церковь... извини, учение Джеймса Кинга, путь истинной праведности, – если только она не угрожает их мерзкому язычеству? То, что они пытаются нас остановить, только доказывает, что мы на правильном пути.

– Враги, которые утверждают, что мы ошибаемся, доказывают, что мы правы?

– Точно.

Самсон безуспешно пытался обдумать то, что изложил ему Сайрус. Сколько бы он ни спорил с Сайрусом, сколько бы ни сомневался в его приверженности делу, но Сайрус по-прежнему оставался самым умным человеком, которого Самсон знал. Уж точно умнее самого Самсона. И всегда был умнее.

– Предпочитаю верить, что мы правы, потому что наше дело правое, – сказал Самсон, вспоминая что-то услышанное на шоу Кинга.

– Да, я знаю. Логика – не твоя сильная сторона. Но тем не менее я прав. Суть в том, что это дает нам возможность поднять людей. Народ успокаивается. Им нужно напомнить, что прямо на соседней улице находится логово извращенцев-язычников.

С этим Самсон уже мог согласиться. Стрельба украдкой по Голливуду, патрули, уничтожающие контрабанду, – это никак не содействовало планам Господа. Он больше не беседовал с Джеймсом Кингом, но проповеди знал. Он знал учение Кинга. Он знал, чего хотел Бог.

Бог хотел сжечь язычников.

– У тебя есть идея?

– Ага. Может ты и занимаешься ополчением, Самсон, но я отвечаю за разведку. А что ты удивляешься? Нам нужна информация, и теперь она у нас есть. Мне сообщили, что движется очередная группа этих уродов. Только теперь они не собираются стучать в дверь и швырять листовки.

– Нападение? Но у них недостаточно людей.

– А им и не нужны люди. У них есть бомба, причем здоровенная. Хрен знает как, но они раздобыли военные боеприпасы. Они собираются ввезти бомбу на нашу территорию на грузовике и взорвать ее.

– На грузовике? А топливо они где раздобыли?

– Да какая разница? Главное, что оно у них есть, и они собираются к нам с подарочком.

– Это глупо. Мы убьем их до того, как они подойдут достаточно близко к Храму.

– Им не нужно взрывать Храм. Достаточно просто взорвать бомбу на нашей территории. Они не пытаются убить нас, они хотят доказать, что мы не можем защитить свою территорию. Этим они всем покажут, что мы в осаде. Взрыв даст им преимущество, и по сравнению с ним это дерьмо, – он бросил на колени Самсона брошюру с собакой, – превращается в бессмысленный мусор, чем и является. Они взорвут бомбу и выиграют пропагандистскую войну.

Самсон не знал, что такое пропагандистский, и не видел, чем может быть страшен взрыв бомбы, от которого никто не погибнет, но он понимал, что это была угроза, и ее нужно было остановить.

– По какой дороге они идут? Между нами не так много дорог, по которым может пройти грузовик.

– Уилшир.

– Хорошо. Мы пошлем армию и разобьем их. Мы развернем эту штуку, отведем ее в центр Голливуда и взорвем там. А потом я приведу армию, пока там все будет гореть, и покончу с ними.

Самсон завелся. Все казалось идеальным. Он смог бы сокрушить Голливуд раз и навсегда, вернуть чувство собственного достоинства, утраченное в битве на Западной. Он смог бы вернуть Джеймса Кинга.

– Нет, – в словах Сайруса звучала такая сила, что Самсон замер. – Мы ничего не взрываем и не приводим туда армию. Нам надо захватить бомбу. Как только мы это сделаем, подумаем, как лучше всего ее использовать.

– Опять ждать? Они нас унижают! – Самсон вскочил со стула и навис над Сайрусом, хлопнув по столу мясистыми руками. – Мы слишком долго сидели без дела. Надо заставить их заплатить.

– И заставим, – Сайрус махнул на Самсона рукой. – Обязательно. Но мы сделаем это по-умному. Мы отберем эту бомбу и таким образом не только получим оружие, которое можем использовать против них, но и, что более важно, они это оружие потеряют, и все об этом узнают.

– Это и есть пропаганда?

– Именно. Теперь ты понимаешь.

– Нет, – сказал Самсон. – Не понимаю.

– Ты мне доверяешь? – спросил Сайрус.

– Конечно, – после небольшой паузы ответил Самсон.

– Хорошо. Тогда мы договорились. Отправь туда небольшой отряд, пусть они заберут бомбу и принесут ее сюда. Мы решим, что делать с ней дальше.

– Я... – Самсон запнулся, не понимая, каким образом проиграл в споре. Поэтому без особого воодушевления согласился. – Хорошо. Когда это будет?

– Где-то на следующей неделе. Мои источники сегодня вечером скажут точнее, но совершенно точно, что это произойдет скоро.

– Я соберу отряд.

– Небольшой отряд.

– Правильно, – согласился Самсон. – Небольшой отряд.

* * *

– Вызывали, сэр? – рыцарь-капитан Волкова стояла в дверях кабинета Самсона в Храме. В отличие от Сайруса, он завел себе простой и скромный кабинет. В нем был один стол, два стула и карты Лос-Анджелеса на стенах. В углу стоял телевизор с видеомagneтофоном, в котором бесконечно крутились записи проповедей Джеймса Кинга без звука. Самсон видел их так много раз, что ему уже не нужно было слышать, чтобы знать, о чем он говорит.

– Входите, рыцарь-капитан. Меня интересует ваше мнение по одному вопросу.

– Бомба?

– Сайрус рассказал вам?

– Да. Он хочет захватить ее. Отправить небольшой отряд, чтобы принести ее сюда и отправить послание в Голливуд.

Едва выйдя из кабинета Сайруса, Самсон начал сомневаться. Ему вспомнилась вылазка на Западную, и его переполняли сомнения. Он молился о помощи, молился, чтобы Джеймс Кинг появился и сказал, что ему делать. Но никто не пришел. Самсону было необходимо с кем-нибудь поговорить. С кем-то, кроме Сайруса.

– Я не уверен, что это хорошая мысль, – произнес Самсон.

– Плохая.

– Вы с ним не согласны? – удивленно спросил Самсон.

– Сэр, Голливуд нас унизил. Они... – она замолкла и опустила взгляд.

– Что?

– Они унизили вас.

– Да, – согласился Самсон.

– Есть только один способ отомстить за это. Отомстить за вас. Мы отправляемся за бомбой, протаскиваем ее в центр Голливуда и запускаем к чертям. Потом мы врываемся туда и не останавливаемся, пока от этого места не останется один пепел.

В глубине души он знал, что она была права. Знал, что этого хотел бы Джеймс Кинг.

– Нам понадобится вся армия.

– Достаточно вашего слова, сэр.

– Собери всех. Без лишнего шума. Если Сайрус узнает, он лопнет от злости. У тебя пара дней. И не трогайте ребят в Оплоте Веры.

– Точно? Нам понадобится каждый.

– Нет. Слишком много времени потребуется на то, чтобы перевести их сюда так, чтобы Сайрус не заметил. Мы не знаем, когда Голливуд планирует перевезти бомбу, поэтому я хочу начать как можно раньше.

– Хорошо, – ответила Волкова. – Вы не пожалеете об этом, сэр.

Самсон знал, что не пожалеет, если благодаря этому к нему вернется Джеймс Кинг.

– 11 –

Бог не учит осторожности. Осторожность – для слабаков, для глупцов. Осторожность приведет вас к гибели.

Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей», сезон 8, эпизод 9

Два дня они собирали армию так, чтобы Сайрус не узнал. Пятьсот мужчин и женщин, вооруженных винтовками, дубинками, молотами, мачете. Они выдвинулись по Альвараво и повернули на запад по Уилшир, через буйные джунгли парка Макартур.

Они запланировали перехватить фургон до Вермонта, снять сопровождающих выстрелами и захватить фургон и бомбу. Сайрус считал, что они с ней и вернутся. Но Самсон собирался развернуть фургон и пригнать его в центр Голливуда.

– Проверьте здания, – сказал он Волковой, стоя на краю парка. – Убивайте всех, кого найдете, я не хочу попасть в очередную ловушку. Отправьте один отряд вперед, пусть высматривают фургон.

– Приказать им вступить в бой, сэр?

Самсон долго молчит. Он что-то упускает из виду.

– Сэр?

– Нет, – ответил он и не мог избавиться от ощущения, что он по-прежнему не замечал чего-то важного. – Если они увидят его, пусть бегом возвращаются к нам. И дайте им радио.

– Есть, сэр, – Волкова отдавала краткие приказы, и отряды рассыпались проверять обгорелые остовы зданий на бульваре Уилшир. Еще одна группа быстро и тихо ушла вдоль по улице.

Самсон покачал головой. Дорога перед ним была изрыта воронками, заставлена ржавыми машинами, покрыта слоем грязи и мусора, завалена оборванными проводами, по которым больше полувека не тек ток. Мусор давно погибшей цивилизации. Как эти люди собирались провести здесь полный грузовик взрывчатки – непонятно. Если это – лучший план Голливуда, они должны были бы быть благодарны ему за то, что он их уничтожит. Они были слишком глупы, чтобы жить.

– Думаете, они что-нибудь найдут? – спросил Самсон, когда все здания были проверены и армия двинулась дальше.

Волкова осмотрела дорогу в бинокль.

– Я думаю, что будет несколько... – Треск рации прервал ее.

– Мы нашли, – произнес сквозь помехи голос. – Уилшир и... э...

Нормандия. Примерно в четырех кварталах впереди. Что прикажете?

Самсон отобрал у Волковой радио:

– Остаться на месте, оставаться в укрытии. Мы идем, – он повысил голос. – Вперед!

Армия медленно пробиралась по улице. Самсон потребовал соблюдать осторожность, проверять каждую дверь, окно, перевернутую машину, чтобы не пропустить ловушку.

Два часа спустя он увидел то, ради чего все это затевалось. Старый фургон стоял посреди Уилшира, на грузовой платформе что-то массивное было скрыто под грязным брезентом. Они, должно быть, часами расчищали дорогу, чтобы протащить его так далеко. Самсон изучил обстановку на крышах, потом перевел бинокль на фургон.

– Там никого нет.

– Может, они его бросили? – сказала Волкова. – Надо подойти ближе.

Самсон, не ответил, пристально разглядывая фургон, оценивая варианты. От возможностей у него голова шла кругом и начала болеть.

– Я слишком осторожен, Волкова?

Может быть, поэтому Кинг не говорил с ним так долго? Может быть, дело не в том, что Самсон утратил веру. Может быть, он утратил хватку. До Западной он бросился бы напрямик к фургону, не думая о ловушках. Тогда он был неуязвим. Но сейчас...

– Немного, сэр.

– Ладно. Отправьте туда отряд на разведку. Я не хочу подходить ближе, пока мы не узнаем, с чем имеем дело.

Позади армия была растянута колонной от Уилшира почти до самого Вермонта. Он не хотел погубить людей, не хотел, чтобы несколько выстрелов из миномета снова уничтожили его армию.

Он смотрел, как отряд приближался к фургону и снимал брезент. Ему было плохо видно, но стрельба не началась. Через несколько минут оживил рация.

– Здесь ничего нет.

– Что ты имеешь в виду?

– На грузовике гора мусора. Никакой бомбы, никого вокруг.

У Самсона остановилось сердце. Это ловушка. Он уверен. Но как?

И тут он все понял. Здания были пусты, в районе никого не было. Но ему не пришло в голову проверить еще одно место.

– Назад. Уводим всех отсюда. Это... – Самсон замолк, услышав гул под улицей, тихие хлопки нагревающихся снарядов. Земля под ногами содрогнулась. Землетрясение? Нет, что-то другое.

И тут улица взорвалась у него под ногами.

* * *

Грязные салфетки, рваные блокноты, выцветшие плакаты, куски штукатурки. Все это громоздилось вдоль стен кабинета Сайруса, груды мусора, в который попало все, на чем можно было писать.

В самом начале бумага была роскошью, поэтому Сайрус писал проповеди на всем, что попадалось под руку. Он писал обломками карандашей, царапал мягкую глину палочками, выводил послание Господа собственной кровью. Он записал каждое слово, каждую фразу, каждую паузу записей Кинга, запоминал их, показывал верующим.

Теперь у них было радио, и Слово полетело в эфир, но Сайрус по-прежнему хранил эти записи. Материальное было важно. Оно напоминало о том, какой была жизнь прежде и что нужно сделать, чтобы никогда к этому не возвращаться.

Проповеди Джеймса Кинга были хороши для предвестника апокалипсиса в 1990-х, но он был мертв, а миру, пережившему этот кошмар, требовалось что-то новое. Да, Сайрус заменил в текстах речей «Бога» на «Церковь». Но чем была Церковь, как не воплощением воли Божьей? Чем была Церковь, как не благословенным голосом Господа, не Его огненной карой? Гарантией того, что замысел Его будет жить в мире, даже если величайший проповедник Его Слова умрет преждевременной смертью?

Сайрус понимал, что Самсону не понравятся изменения, что он захочет вернуть все, как было. Но Самсоном всегда было легко манипулировать. Несколько умных слов, извращенная логика – и он послушен, как ягненок. Это всегда было просто.

Например, просто было убедить его взять маленький отряд и доставить бомбу.

Когда Сайрус узнал, что Голливуд запланировал взорвать бомбу на территории Церкви, то сразу понял, что это был идеальный шанс. Он не думал, что Самсон так сразу поведется, ожидал возражений.

Вся ситуация была словно специально создана для Сайруса. Выманить Самсона подальше с горсткой доверенных лейтенантов в качестве свидетелей – и пусть Волкова его убьет.

О, конечно, это будет выглядеть как работа снайпера из Голливуда. В этом и был весь смысл. Убив Самсона на глазах солдат, она и остальные вернуться с печальным известием о его смерти, и в сердцах верующих запыхает яростный огонь. Пусть они присягнут в вечной верности Церкви. Ничто так не сближало людей, как мученик.

Когда полгода назад Волкова оказалась в постели Сайруса, он не доверял ей. Считал, что та просто еще одна шлюха, которая надеется сделать карьеру через постель. Но она оказалась умной. Говорила ему, что Самсон ведет Церковь к гибели. Что он совсем размяк после бойни на Западной.

Ну и в постели она была хороша.

А когда они начали доверять друг другу, он предложил ей убить Самсона. Поначалу она колебалась, но он пообещал сделать ее командующей армиями Церкви, занять место Самсона и возглавить их воинство в победоносной войне против Голливуда. Он никогда не видел, чтобы человек так быстро соглашался на предложение.

Звук быстрых шагов в коридоре прервал его размышления. «Вот оно», – подумал Сайрус. Он надеялся, что сможет изобразить убедительное горе, потрясение от смерти друга. Всю ночь тренировался перед зеркалом и репетировал, что скажет. Он снова повторял эти слова, бесшумно шевеля губами, чтобы убедиться, что ничего не забыл. Сайрус пытался научиться плакать по собственной воле, но не получилось – выглядел так, словно у него запор.

«Эта трагедия не останется неотомщенной перед Господом. Гибель нашего вождя станет несокрушимым символом».

Да, так пойдет. Шаги приближались, и Сайрус встал, расправил одеяния, снял с них ниточку. Это был важный миг, он должен быть идеальным.

В комнату ворвался рыдающий служка, по его щекам текли слезы.

– Они все мертвы!

– Эта трагедия не... – начал Сайрус и тут понял, что именно ему сказали. – Как? – Все мертвы? Не может быть. Погибнуть должен был только Самсон. Наверное, этот кретин сопротивлялся.

– Армия. Земля взорвалась под ними и поглотила всех. А потом начался обстрел, и на улице появились войска, и стали стрелять в ямы, и...

– Стой. Как «армия»? – Сукин сын! Сайрус молился, надеясь, что Самсон не сделал того, что, судя по всему, сделал.

– В Уилшир отправились все, кроме нескольких солдат. Но там их ждала ловушка.

Сайрус схватил служку за воротник и затряс:

– Что ты несешь, парень! Это неправда! Там был небольшой отряд!

Максимум десять человек.

– Нет, сэр. Говорят, больше пяти сотен.

– Ты шутишь! Считай, я посмеялся. Ха-ха. А теперь, поганец, говори правду, или я сейчас с тебя живьем шкуру сдеру.

– Сэр, если вы не верите мне, там выжившие возвращаются. Они все ранены. Сильно.

Сайрус отпустил паренька.

– Веди, – приказал он. И надеялся, что все было не так плохо.

* * *

Сайрус три часа потратил на расспросы горстки выживших, с трудом доползших обратно, и пришел к неизбежному выводу.

Все было именно настолько плохо.

Все рассказывали одно и то же. Множество взрывов, улица провалилась, все упали вниз. Начался обстрел, на улице появились враги и стреляли в ямы. Сайрус быстро понял, что случилось.

Подземка.

Тоннели подземки в Лос-Анджелесе сильно пострадали от наводнений после цунами. Были уничтожены целые перегоны. За прошедшие годы они то высыхали, то вновь заполнялись водой. Иногда в них спускались люди – в поисках добычи или места для жизни, – но мало кто выбирался обратно. Время от времени о подземке начинали ходить разные слухи, но никто не думал о ней всерьез. Зачем? Там не было ничего, кроме крыс-мутантов и протухшей болотной воды.

До сих пор.

История о бомбе со всей очевидностью была приманкой. Если у Голливуда и были бомбы, их использовали, чтобы заминировать улицу. Подождали, пока там окажется вся армия, и взорвали.

Но как они узнали, что там будет армия?

Сайрус тут же понял ответ, попытался все отрицать, но это было бесполезно. Ответ вгрызлся в него оголодавшей крысой, и в нем вспыхнул гнев. Он с воплями кружил по кабинету и бил кулаком в стены. Он кричал о предательстве, о своей гордыне, которая стала всему причиной. Это была его вина, что армии больше нет, и...

Армии больше не было.

Дерьмо.

Сайрус выбежал в коридор, паника пронзила его острыми иглами. Схватил послушника, затряс его и закричал:

– Мы уходим. Немедленно убираемся отсюда!

– 12 –

Говорят, что правда сделает вас свободными. Но эта правда – не от Господа. Это ложь презренных людей. Они приведут вас в Ад.
Джеймс Кинг, Час Церкви Торжествующей, сезон 18, эпизод 1

Самсон чувствовал запах гари и тухлой воды, густую удушающую вонь бензина, волос, горелого мяса и плесени. Он смутно помнил крики и выстрелы, но все воспоминания свелись к одиночным щелчкам и тихим вскрикам, когда их добивали по одному, как бешеных псов. Самсон открыл здоровый глаз, но на город спустилась ночь, и он видел только тусклые отблески пламени, отраженные в грязной воде.

– Тебе еще рано умирать, Самсон, – сказал Кинг ему прямо в ухо. – Бог еще не закончил с тобой.

Самсон вздрогнул при звуке этого голоса. Ну и момент Кинг выбрал, чтобы вернуться!

– Там была ловушка, – произнес он. Язык еле ворочался во рту, слова звучали неразборчиво.

– Была. Тебя подставили.

– Я заслуживаю смерти.

– Да, – согласился Кинг, – ты потерпел неудачу. Но у Бога на тебя другие планы.

– Я не достоин милости Божьей, – Самсон должен был понять, что это ловушка. Должен был прислушаться к инстинктам. Теперь его люди погибли, армия разбита. А без них Церковь одолеют неверующие из Голливуда. План Бога не будет выполнен.

– Ты глупец? Считаешь, что можешь решать за Господа? Самсон, если бы Богу была нужна твоя смерть, ты был бы мертв. Вставай.

Самсон подтянул под себя руки, погрузил в толстый слой вонючей грязи и оттолкнулся. Завалившая его груда сдвинулась, кирпичи попадали, глина и песок свалились с него комьями и с чавканьем погрузились в жидкую грязь. В его легкие ворвался жаркий обжигающий воздух, и Самсон задохнулся, но все же пополз из заболоченной горячей ямы на мостовую вверху. На это ушел час.

Уилшир превратился в кратер длиной в десять кварталов. В ночное небо поднимался густой маслянистый дым. По краям кратера рыскали патрули Голливуда. Солдаты стреляли, едва завидев внизу какое-то движение. Судя по всему, Самсона спас только правильный выбор времени. Он увидел, как в яму, из которой он только что вылез, полетела граната. Если бы он пошевелился раньше или ждал дольше, его бы поймали или убили.

– Тебе надо вернуться, – сказал Кинг. – Восстановить все, стать сильнее.

– Что восстанавливать? – спросил Самсон. – Как? Все пропало. У нас ничего не осталось: ни армии, ни защиты. Они перебьют нас как собак. Как это восстановить? – Самсон попытался схватить Кинга за горло, чувствуя, как его окутывает алый туман, но его руки схватили только воздух. Кинг растаял в дыму.

Восстанавливать? Бред какой-то. Они не смогут оправиться после этого удара. новопосвященные и послушники, которые у них оставались, были клерками, писцами, столярами и слесарями. Это были люди, благодаря которым работали механизмы и зажигался свет. Но что с ними будет, если защищать их стало некому?

У них не было возможности восстановиться. Но в одном Кинг прав. Он должен вернуться. Рассказать о том, что здесь случилось. Может быть, они смогут перебраться в Оплот в Гриффит-парке. Работы почти закончены, и там оставались солдаты.

Самсон нырнул в переулочек между зданиями – прочь от убийц, которые зачищали улицы, стараясь не споткнуться о потрескавшийся вздыбленный асфальт. Протер здоровый глаз от крови и пота. Одна нога плохо слушалась. Зрение затуманилось, мир наклонился... Самсон упал, и тьма заключила его в свои объятия.

* * *

Самсон отыскивал где-то кувалду. Может, свою, а может быть, и нет — ему было все равно. Ее привычная тяжесть успокаивала, он отключил боль и медленно брел по улице.

Самсон знал, что с тех пор, как он отключился в переулке, прошел как минимум день. Он помнил, что несколько раз приходил в себя и видел в небе то солнце, то луну. Он чувствовал вонь горелой плоти, слышал крики и стоны выживших, которых добивали враги. А потом все кончилось.

Он брел по пустым улицам, единственными звуками вокруг были его медленные шаги и скрежет по камням кувалды, которую он волок за собой. Он шел уже по территории Церкви и должен был кого-нибудь встретить. Солдаты погибли, но должны были остаться другие, верные Церкви, служки и последователи. Но он никого не встречал. Что-то было не так.

Только добравшись до Храма, он понял, в чем дело. Двери стояли нараспашку, в коридорах было тихо. Пустота смотрела на него с пола, оттуда, где была мебель; отсутствие дверных ручек бросалось в глаза; там, где с мясом были вырваны светильники, висели провода. Храм определялся тем, чего в нем не было.

Сотня вариантов пронеслась в одурманенном разуме Самсона. Один кошмар сменялся другим, пока он не лишился способности мыслить. Голливуд пришел, забрал все и ушел. Он умер и попал в Ад. Члены Церкви стали людоедами и сожрали друг друга. Он остался последним живым человеком на Земле.

Самсон затряс головой, сделал глубокий вдох и оттолкнул надвигающееся безумие, насколько смог, хотя и понимал, что это вряд ли поможет надолго. Все не мертвы, твердил он себе. Они не сожрали друг друга в приступе кровожадного безумия. Они просто поняли, что без армии они легкая добыча для захватчиков, и ушли в Оплот.

Самсон бродил по пустым коридорам. Это место много лет было его домом — он никогда не думал, что у него будет дом. А теперь его отняли. Самсон пытался вызвать в себе гнев, но чувствовал только усталость и грусть. Он хотел совершить нечто великое, хотел принести Бога неверующим.

— Ты потерпел неудачу.

Он обернулся, думая, что увидит Кинга, но это был не он.

— Волкова?

Она стояла в Святой Комнате, куда они сложили записи Кинга и видеооборудование, когда уходили из студии, расставили телевизоры и видеомagniтофоны, чтобы верующие могли смотреть записи. Теперь здесь было почти пусто, остался один треснувший телевизор и видеомagniтофон рядом. На дисплее мигало 12:00, словно говоря, что время вышло.

— Ты знаешь, за что сражался, Самсон?

— Что ты здесь делаешь? Как ты выбралась? — он обвел женщину взглядом и нахмурился. — Почему ты не ранена?

– Ты когда-нибудь сомневался в Боге, Самсон? Сомневался в своем драгоценном преподобном Кинге?

– Ты о чем? – Он подошел ближе, взваливая кувалду на плечо. Казалось, что она весила тонну, но у него получилось. – Скажи мне, как ты выжила на той улице, Волкова. Почему ты не погибла, как все?

– Или что? Убьешь меня? Молотом? Ты себя не видишь со стороны. Ты его едва поднимаешь. Ладно, ты хочешь ответов? Вот твои ответы. – Она нажала кнопку на магнитофоне, и на экране появилось лицо Кинга.

Только это был не тот Кинг, которого привык видеть Самсон. Запавшее лицо и взлохмаченные волосы, на щеках – двухдневная щетина. Из красных припухших глаз текли слезы. Он смотрел в камеру с полуоткрытым ртом.

– Что это?

– Его последнее выступление.

– Я видел его последнее выступление.

– Нет. Это не выходило в эфир. Это запись того дня, когда упали бомбы.

– Это чушь, не было...

– Я думаю, что не доживу до завтра, – начал Кинг, перебивая Самсона.

Самсон смотрел на экран. Он узнал этот голос и интонации. Это действительно был Кинг, но его голос был непривычно слабым и усталым.

– Думаю, никто из нас не доживет. Пора признаться во всем. Не знаю, увидят это мои зрители или нет. Не важно. Я просто хочу сказать, пока еще есть время. Я... я сожалею.

Самсон не мог отвести глаз от экрана, его мысли путались. Этого не могло быть. Он видел все шоу Кинга, все его записи. Откуда взялась эта?

– Я говорил в своем шоу ужасные вещи. Ужасные. Ложь. Клевета. Богохульство. И зачем? – Кинг рассмеялся пустым нездоровым смехом, словно сам не мог ответить на этот вопрос.

– Я начинал не с этого. В Кливленде мое шоу называлось «Часом Света». Я говорил о том, что нужно нести любовь Господа. Нести земле мир. Почти никто не смотрел меня, шоу отменили после первого сезона. Я пытался снова и снова. Атланта, Детройт, Чикаго. А потом я однажды взбесился прямо в эфире. Я больше не мог этого выносить. Сорвался на... я даже не помню уже. Что-то насчет Мадонны, кажется.

По лицу Кинга продолжали течь слезы, его дыхание вырывалось судорожными всхлипами.

– И вы, ублюдки, это сожрали. Вы сожрали всю эту грязь, и чем больше я ее выливал на вас, тем больше вас приходило за добавкой. И что мне было делать? Отказаться от рейтинга, от зрителей? От денег? Вы бы отказались? Я знаю, что некоторые из вас делали во имя мое. Я читаю почту фанатов. Люди, вы ненормальные. Нападаете на геев, на иммигрантов. Один из вас написал, что сжег синагогу, другой убил чернокожего, потому что считал, что я так приказал. Я приказывал? Боже, все может быть. И каждый день вы включали мое шоу и смотрели, как я выплескиваю в мир ненависть. Вы

питались ею, вы несли ее дальше в мир. Вы виноваты в этом не меньше, чем я. Черт, даже больше. Это ваших рук дело. Люди, это вы меня создали.

Кинг достал из-под стола огромный пистолет.

– Говорят, что сегодня упадут бомбы. Ракеты уже в воздухе. Какой сейчас смысл в богатстве? Никакие деньги этого не остановят. Все это обман. Я больше не верю в Бога, но я верю в грех. И я грешил против всех.

Он что-то дернул в пистолете, и в колонках громыхнуло так, словно это Бог готовил громы и молнии.

– Я не могу взять свои слова назад, но, может быть, я смогу сделать что-то для тех, кто выживет. Если кто-то жив, если кто-то смотрит это, просто... будьте добры друг к другу. Пожалуйста. Помогайте друг другу. Вся эта ненависть, которую я извергал... это не выход. Теперь я это понимаю и очень, очень сожалею.

Самсон в ужасе смотрел, как Кинг поднес пистолет ко лбу.

– Все плохое должно заканчиваться, – сказал он и нажал на крючок.

Голова Кинга разлетелась, на висящую позади карту легло знакомое пятно из крови и костей, тело завалилось на пол. Откуда-то вне поля зрения камеры раздается крик. Плачущая женщина подбежала к Кингу, снова и снова повторяя его имя. Это продолжалось несколько минут, потом пленка пошла рябью и, наконец, изображение погасло.

– Вот твой пророк, Самсон, – сказала Волкова. – Когда дошло до серьезного, он показал, кто он на самом деле – слабый испуганный лжец.

– 13 –

Все плохое должно кончаться.
*Джеймс Кинг, «Час Церкви Торжествующей»,
невыпущенный эпизод*

– Я думал, его убили, – сказал Самсон. – Как ты нашла эту запись?

– Ее нашел служка, когда вы переносили все сюда из старой студии. Он не знал, что это и насколько оно важно. Кассета была спрятана в вентиляции за оборудованием. Вполне в духе Сайруса.

– Сайрус знал о ней?

– Он считал, что уничтожил ее. Приказал убить служку, который ее нашел. Очень боялся, что ты об этом услышишь. Но мы успели первыми, подменили ее чистой кассетой, которую он и сжег.

– Кто «мы»?

– Ты еще не понял? – удивилась Волкова. – Голливуд. Я много лет на них работаю. Делала карьеру в твоей армии, передавала им информацию. У меня почти получилось убить тебя на Западной, когда мы привели того парня со взрывчаткой. В тот день я была готова умереть за свое дело. Но, черт возьми, ты везучий сукин сын.

– Я тебе доверял. Ты была моей правой рукой.

– Ты верил своим фантазиям, Самсон. Ты верил в галлюцинацию, а не в Кинга, галлюцинацию, которая разрешала делать то, что ты сам хотел сделать.

– Нет! Нет, все не...

– Ты безумен, Самсон. Ты получал советы не от Бога, а из собственного закоротившего разума.

– Нет. Я говорил с ним. Он спас меня. Он говорил мне, что делать. Кинг был...

– Ложью. Ты не разговаривал с Кингом. Он мертв. Мертв уже много лет.

– Тогда с кем я говорю, когда он приходит ко мне?

– С самим собой, придурок. Кинг – это ложь, на которую ты повелся, и которую питал Сайрус. Ты ведь знаешь, что он никогда не верил? Ты знаешь, что Сайрус просил меня убить тебя на Уилшире? Считал, что ты слишком много на себя берешь. Я должна была пристрелить тебя и свалить это на Голливуд, чтобы началась война. Тупой урод не понимал, что она уже идет. Тебя предали, Самсон. И Кинг, и Сайрус.

– И ты.

– Я не уверена, что это считается. В конце концов, я всегда была врагом, ты просто об этом не подозревал. Знаешь, самое забавное, что, несмотря на все ужасы, которые ты принес в мир, ты порядочный человек. Ты всегда обращался честно со мной, со своими людьми. Ты даже думал о тех, кого убивал. Интересно, кем бы ты стал, если бы не нашел Кинга. Если бы не встретил Сайруса.

– Зачем ты пришла? Почему показала мне это?

– Я знала, что ты не погиб. Ну, по крайней мере, надеялась. Я хотела видеть выражение твоего лица, когда покажу тебе ложь, которой ты жил все эти годы. Мне жаль, Самсон, жаль тебя, но ты – чудовище. А чудовище надо сломать, прежде чем получится его убить.

Волкова достала из кармана пистолет.

Самсон был потрясен. Эта запись меняла все – учение Кинга, убийства, которые Самсон и Церковь совершали его именем, план Бога. Это все было построено на лжи. Самсон убивал ради дела, которого не существовало, верил шарлатану только потому, что хотел во что-нибудь верить. Он чувствовал, как у него в голове все рассыпалось. Все, что он знал, исчезало, как пыль на ветру.

– Я могу все исправить, – сказал он. Он должен был. Если все учения Кинга были ложью, то это был вовсе не план Бога.

– Можешь ли? – хмыкнула Волкова. – Можешь вернуть к жизни тех, кого ты убил? Восстановить лагеря, которые сжег, семьи, которые разъединил?

– Нет, но я могу изменить Церковь. Я знаю, где они. Я могу отнести это к ним, все изменить.

– Извини, Самсон. Слишком поздно.

Волкова выстрелила, но Самсон дернулся вправо, и пуля попала ему не в грудь, а в руку. Вся его левая сторона взорвалась болью.

Он бросился на Волкову, опрокинул ее на пол. Он не хотел причинять ей вред, не хотел продолжать служить лжи, но она выстрелила опять. На этот раз пуля оцарапала голову, и он ударил ее в лицо, снова и снова, ослепленный алым туманом гнева.

Когда Самсон пришел в себя, Волкова неподвижно лежала на полу, ее лицо превратилось в месиво из костей и крови.

– Я сожалею, – сказал он. – Я все исправлю. Ты увидишь. Я все исправлю.

– Я не думаю, что у тебя получится.

Самсон обернулся и увидел Кинга, прислонившегося к косяку. У него не было половины головы, и ошметки мозга падали на пол.

– Что ты тут делаешь?

– Ты что, ничего не слышал? Ты сошел с ума. Я тут, потому что я – твой безумный долбанутый мозг. Может быть, я инсульт. Или, может быть, я настоящий Джеймс Кинг, пришел, чтобы наставить тебя на путь истинный. А может быть, я дьявол. Я сам сатана, а ты – моя марионетка.

Самсон прикрыл глаз рукой. Он хотел, чтобы все исчезло. Или чтобы в происходящем был смысл. Он старался медленно дышать и сосчитал до десяти. Открыл глаз.

– Я все еще тут.

– Ты ненастоящий, – сказал Самсон.

– Я так же реален, как и ты, Самсон. Или еще больше. Откуда ты знаешь, что Волкова говорила правду?

– Я видел запись. Я видел, как ты признался, что это ложь.

– Может быть, это подделка. Может быть, запись – галлюцинация, я настоящий, а ты – моя фантазия. Вот будет забавно, а?

– Прекрати! – Самсон больше не мог это выдерживать. Он больше суток бродил по улицам, устал, голоден, у него обезвоживание. Это все галлюцинация, от начала и до конца. Кинг, запись, Волкова...

– Не-а. Это реальность, – ответил Кинг.

– Я ничего не говорил!

– А тебе и не надо. Я у тебя в голове. Я и есть твоя голова. Слушай, Самсон, смирись с тем, что ты сбит с толку. Считай, что это нервный срыв. Ты поправишься.

– Я все исправлю. Ты – ложь. Ты всегда был ложью, а я был идиотом, что верил тебе.

– Я дал тебе то, чего ты хотел, Самсон. Я дал тебе цель. Когда ты сомневался, я приходил, чтобы направить твою руку. Ты думаешь, я ненастоящий? Это без меня ты ничто, не наоборот. Ты знаешь, что надо сделать? Подбери пистолет и уйди, как я. – Кинг сложил пистолет из пальцев и поднес к разбитой голове.

Самсон закрыл глаз и закричал.

– Нет! Это путь труса! Я все исправлю. Я пойду, поговорю с Сайрусом, и мы вместе изменим Церковь.

Он ждал, что Кинг назовет его безумцем или глупцом, будет насмеяться над ним. Но тот молчал. Самсон открыл глаз.

Джеймс Кинг исчез.

* * *

Самсон идет вверх по холму, волоча левую ногу. Он провел в пути большую часть дня и не собирался останавливаться. Он увидел впереди тоннель, ведущий в Оплот Веры. У входа члены Церкви складывали гору коробок, разматывали провода и прикрепляли их к коробке в тоннеле. Под зонтом сидел Сайрус и командовал происходящим. Он выглядел встревоженным и осунувшимся – явно мало спал – и постоянно касался висящего на бедре пистолета, словно боялся, что в любую минут на них выскочит армия Голливуда.

– Самсон? – воскликнул Сайрус, вглядываясь в заросли. – Ты жив?

– А чему ты радуешься, обманщик? – ответил Самсон, выходя на дорогу. – Я говорил с Волковой. Она рассказала мне все и показала запись.

Сайрус промолчал, закусив губу. Потом произнес:

– Так, мы здесь закончили. Возвращайтесь в Оплот.

– Но сэр, взрывчатка не готова!

– Ничего, и так нормально.

Сайрус подошел к ящику с проводами и нажал кнопку. На ящике включился отсчет времени, 2:00. Самсон подумал, что Сайрус поставил два часа, но цифры начали мелькать, и стало понятно, что это были минуты.

Прислужники побежали по тоннелю к Оплоту, нервно оглядываясь. Вскоре Самсон и Сайрус остались одни.

– Запечатываешь Церковь от мира, Сайрус?

– Временно. Чтобы передохнуть. У нас достаточно запасов еды и воды. И я уже продумываю, как расширить наши земли в Бербанк. Так. Волкова. Она была шпионом Голливуда, да?

– Да.

– Надо было раньше догадаться.

Самсон вынул кассету, которую заткнул сзади за пояс. Ее углы впивались ему в кожу. Принести ее сюда – было частью его искупления. Он швырнул ее к ногам Сайруса, и тот посмотрел на нее, как надохлую крысу.

– Черт. Я думал, что сжег ее давным-давно. Значит, ты видел. И я так понимаю, она сказала, что я пытался тебя убить.

– Ты признаешь это?

– А с чего мне отрицать? Ты и так знаешь почти всю правду, одним фактом больше, одним меньше...

– Мы можем все исправить, Сайрус. Мы можем изменить Церковь. Кинг не хотел, чтобы мы убивали.

Вдалеке послышался какой-то шум. По холму бежали люди. Солдаты Голливуда? Наверное. Самсон знал, что они идут за ним по пятам. Ему повезло, что он успел сюда раньше них.

– Так, – Сайрус откашлялся. – У меня мало времени, так что я буду краток. Ты придурок. Ты думаешь, люди пойдут за призывом «будьте добры друг к другу»? Нет. Им нужны порядок и защита. Они овцы, которых надо стричь, – если этого не будем делать мы, это сделает кто-то другой. Ладно тебе, Самсон, ты знаешь, как это устроено. Ты или убиваешь, или умираешь – третьего не дано.

– Не обязательно.

– Обязательно, – ответил Сайрус, выхватил пистолет и выстрелил Самсону в грудь. Пуля прошла сквозь его правое легкое, он отшатнулся, но не упал.

– Ты второй, кто в меня сегодня стреляет, – выдохнул Самсон сквозь сжатые зубы.

– Давай-ка я попробую еще раз, вдруг получится? – Сайрус нажал на спусковой крючок. Пистолет дал осечку. Сайрус лихорадочно дернул затвор, пытаясь его освободить, но Самсон подлетел к нему и ударил кувалдой в челюсть, разбивая кость. Зубы и кровь разлетелись во все стороны.

Самсон снова поднял кувалду и обрушил ее на голову Сайруса. Череп проломлен, на пол коридора брызнули кровь и мозги. Сайрус упал, его конечности подергивались, с губ срывался тихий высокий вой. Самсон встал ему на грудь и ударил снова, пиная уже разбитый череп ногами, пока не превратил его в красное месиво.

– Все могло быть иначе, – произнес Самсон.

Пуля просвистела у него над плечом и ударила в бетонную стену тоннеля. Сначала Самсон решил, что это был кто-то из верных Церкви, но пуля прилетела с другой стороны. Он повернулся и увидел с десятков солдат Голливуда, выходящих из-за деревьев. Он замахал им, закричал, чтобы они остановились. Кричал о бомбе. Хотел предупредить их, спасти, объяснить. Он мог бы еще все исправить. Ему просто нужно было время.

Но они не дали ему времени, бросились на него, стреляя наобум. Он бросил кувалду, закричал, чтобы они послушали. Но его второе легкое пробил пуля, и не осталось больше воздуха на предупреждения.

Солдаты бросились на него с ножами и топорами, били, рубили, кромсали его плоть. Их становилось все больше и больше. Тоннель заполнился ими – каждому хотелось поучаствовать в убийстве чудовища. Они мстили за мертвых друзей, убитых возлюбленных, погибших детей. У них из глаз текли слезы. Самсон лежал неподвижно, позволяя им все. Это было его искупление, его наказание.

Он попытался сказать «мне очень жаль», но вместо слов прозвучал оглушительный взрыв. Тоннель заполнился светом и пламенем, которые убили и Самсона, и солдат.

И истину.